

ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА УЛИЦАХ БЕРЛИНА

В Германии зарождается гражданская война. Революционные рабочие оказывают решительное сопротивление фашистам, нападающим на демонстрации, дома профсоюзов и редакции коммунистических газет. Введя военное положение в Берлине, германская буржуазия старается при помощи военных судов и смертной казни подавить движение рабочих.

На снимке: полицейская охрана на улице в Моабите (рабочий квартал Берлина).

ГОТОВЫ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ

Сдача нормы на значок „Готов к труду и обороне“

Иоганнес Бехер

БАЛЛАДА О ГРАНАТАХ

1.

Тюрингия. Зуль. Оружейный завод.
Обтачивал здесь он гранаты,
Гранаты.

И вот уже вечер идет,
И сотней гранаты
Лежат у станка.
Одна, две и три—считает рука,—
Да, целая сотня сегодня. Вот ловко:
У токаря просто споровка.
И сотню гранат грузовик
Тотчас же отвез на вокзал,
И гамбургский порт этот груз
Уже через сутки принял.
И был гранатами паровод
Нагружен сверху до дна,
И вот он уже плывет,
И сотни гранат—на волнах.

2.

Тюрингия. Зуль. Оружейный завод.
Обтачивал здесь он гранаты,
Гранаты...

Он стоял у станка, утомленный,
И чувствовал гнет.
Но дальше—работа не ждет...
„Зачем я делаю это... а, впрочем...
Ведь главное то, что не голодно мне,
Как тем... безработным рабочим“.
И он у станка наклонился туда и сюда,
Обтачивая гранаты, гранаты.

3.

Как на парад солдаты,
Гранаты стали в ряд,
Заряжены гранаты,
И он среди них, солдат.
Гранаты зажигали,
Построившись в ряды,
И токаря шагали
В параде впереди.
Со всех концов гранаты
Стекались в Чапей.
Иди, узнай, откуда
Подарок этот, чей?
Священник загнусавил,
Благославляя груз:
„За бога и гранаты
Смирненно я молюсь“.

Гранаты!
Гранаты!

Г р а н а т ы ! ! !

4.

Тяжелые орудия,
Упряжка лошадей.
Вамолились гранаты:
„Хотим лететь в Чапей“.
Разрывы громче, глуше.
Эй, затыкайте уши.
Летят, летят гранаты,
Чапей огнем покрыв.
Над фабрикой придильной
Разрыв, еще разрыв.
И мертвые спросили:
„Гранаты, кто вас шлет?“
Ответили гранаты:
„Из Зуля мы, гранаты,
Нас шлет Тюрингии завод“.

5.

Тюрингия. Зуль. Оружейный завод.
У станка, как обычно, работа идет.
Вдруг он слышит снаряда гул.
Кто то гранаты сюда вернул?
Уже под обстрелом Зульский завод.
Кто из Чапей
Гранаты шлет?

Со всех концов гранаты
Летят сюда, горя.
Во всех краях земли гранаты
Обтачивают токаря.
Везде идет работа.
„Зачем все это... Впрочем...
Ведь главное, что есть работа,
Как не у всех рабочих.“
И он у станка наклонился туда и сюда,
Обтачивая гранаты, гранаты.

Чиста была комната, печь тепла,
Приличный пиджак, уютный дом.
Мать ребенка к себе взяла
И поила его молоком.
Она смеялась, но муж был нем,
И радость была далека.
Он сказал: „Я готовлю гранаты,
Гранаты, да,

В Зуле обтачивает моя рука!“

Демонстрация рабочих оружейных заводов Германии в Международный день борьбы с военной опасностью

6.

И когда был наш токарь убит,
Р а с х о х о т а л и с ь гранаты.
Это был чудовищный взрыв
Целой сотни снарядов.
„Ты не знаешь кто нас послал,
Ты не знаешь, кто вас убьет?
А знакомое видишь клеймо:
Тюрингия. Зуль. Оружейный завод“.

7.

Директор подходит к станку.
Он опять
Слегка недоволен, немного сердит:
„Гранаты обтачивать надо, не спать.
Быстрее. Конвейер бежит!
Ведь главное—это доход.
Война, да, война мне нужна.
Гранаты готовит наш Зульский завод.
Сто штук изготовить. Скорее. Вперед.
Да, Вперед!“

8.

Муж бросил деньги на стол
И сказал жене: „пей и ешь!“
Жена купила хлеб и хлеб был свеж,
И маслом смазала бутерброд.
А он посмотрел на хлеб, и вот
Он вдруг сказал:
„Я обтачиваю гранаты, гранаты.
Тюрингия. Зуль. Оружейный завод“.

3.

Обтачивал в Зуле гранаты,
Гранаты снова,
Там, где Тюрингский оружейный завод.
И вдруг рука его—груз стопудовый,
И он товарищей кличем зовет:
„Сотни гранат—плоды труда,
О, эти гранаты!
Мы гнемся здесь туда и сюда,
Готовя гранаты, гранаты!
Разве не видите вы: у станка
Стоит мертвец, вопрошая гневно:
„Скажи, рабочий, скажи мне сколько
Решаешься ты убивать ежедневно?“
И этих мертвых товарищей рой
Склоняется над нашей семьей трудовой.
И вот они держат за руки нас,
Нам отдавая приказ:
„Рабочие Зуля!

Эй, токаря,
Куете орудие смерти вы зря,
Разве не видите вы, как снаряд
Летит против вас же назад,
И ваши гранаты, на вас обратятся,
Вам пропоят свою песню, смеясь:
Мы ваши гранаты, рабочие Зуля,
рабочие Зуля,
Вас обманули, вас господа обманули!
Авторизованный перевод с рукописи

Ал. Дейча

Отрывок из повести

В это утро через фронт перелетели два ворона.

Тяжело побораев ветер, они летели наискось, оглядывая линии затихших окопов, и как бы ободряюще перекликались. Окопники зорко следили за неровным полетом птиц на ветряной высоте. Чутко вслушивались в заунывные их голоса.

Раньше посыпались бы вслед зловещим птицам азартные выстрелы с обеих сторон фронта. Знали окопники,—кормится проклятая нечисть неприбранными в лесах солдатскими трупами, потому и живет около фронта.

Теперь эта черная пара была вестницей наступающего мира. Ни одного вы-

оглянулся по сторонам—огромно уходящий в высь великан,—потом неторопливо поплывал в горсть и сильным тычком всадил шест в бруствер. Оглянулся еще раз и стал бережно развешивать плат.

Ветер подхватил легкую кумачевую ткань и повес. Как бы трепет легких крыл заплескался с серого неба в окопную яму. Тут же горнист поднял к небу сигнальный рожок и певуче заиграл встречу. Серебряные звуки округло покатались в мертвой ложине.

— Пошли!—сказал хрипло Семенов.

Сбившиеся толпой окопники услужливо подсаживали делегатов, подставляя ладони под залипшие глиной сапоги.

— Васю они увидели!.. Вася им тут зандобился!..

Делегаты вышли в открытую ложину. Огромной казалась им снизу ее пустота, казалось, идут они, сопротивляясь резкому сырому ветру, в ложе могучей реки, где то близко остановленной на короткие сроки. И неуверенно озирались идущие на высокие берега—не обвалилась бы на горсточку людей притаившаяся стихия.

Внизу, на видимой с обеих сторон площадке обе делегации одновременно остановились и одновременно же взяли под козырек. И сотни человеческих голов жадно вытянулись из земляных щелей с той и другой стороны. И напряженной стала тишина в ложине.

В короткую минуту успели делегаты разглядеть друг друга. И было для всех неожиданно, что с немцами пришел лейтенант, высокий, подтянутый и щеголеватый—даже в окопах, где офицер всегда старается походить на солдата.

— Штабной—подумал Семенов.

Мариша заметил, что ни у кого из сопедшихся не было при себе оружия. Даже лейтенант пришел с безобидным стеком подмышкой.

Он поочередно оглядел всех пришедших с русской стороны и поманил Левку Берковича в сторону. Мариша видел, что Левка усиленно показывает в его сторону.

— В чем дело?—спросил Семенов.

— Господин офицер спрашивает, есть ли здесь представитель командования,—подойдя, козырнул Семенову Левка.

И махнул Марише рукой. Мариша, сразу смешавшись, выступил вперед.

Лейтенант устал на него пустые глаза и издал неуверенно прикоснулся к козырьку. Представитель командования показался ему слишком юным. Притом же погони вольноопределяющегося, окаймленные витым шнурком, видимо были ему известны. Впрочем, лейтенант сразу принял безразличный вид, а Мариша незаметно отступил за солдатские спины.

— Начинать!—подталкивали Семенова сады.

Семенов отставил вперед ногу и начал, трудно и громко дыша:

— Товарищи-германцы! В России теперь

стрела не было сделано из русских окопов. Схватившегося за винтовку стрелка тут же осадил:

— Цыть ты! Слухай германал!

Запрокинув головы, все слушали. Над немецкими окопами стояла предупредительная тишина. Вороны, сбиваемые ветром, благополучно снизили к синевшему далеко за фронтом перелеску.

— К добру!—облегченно поправили шапки окопники.—Хоть бы одно ружье выстрелило! А?..

Здесь, где ближе всего сошлись траншеи, разделенные глубокой ложинкой, где особо упорными были последние июньские бои, в стыке двух дивизионных участков была назначена на сегодня встреча.

Еще задолго до назначенного часа к ближней рощице подкатил генеральский автомобиль, и один за другим исчезли делегаты в кривой щели ходов сообщения. Следом за ними, посвечивая в землю медью труб, пробиралась музыкантская команда. Делегаты сгрудились в пулеметном гнезде.

В узкие продольные щели бойники смотрели в сторону немца. Близко под окнами ветер гнал мимо некошенные засохшие травы. Было тихо на фронте, каждый слышал заволнованное дыхание своего соседа.

Председатель комитета Семенов часто взглядывал на часы, лицо его стало заливать серостью, заходили скулы.

— Так!—сказал он, пряча часы.

И выглянул из под навеса:

— Эй, кто там! Станови знамя!

Высокий солдат, жердеобразно качнувшись туловищем, легко взлетел на бруствер и выпрямился,—с шорохом отвалилась от толчка сырая глина приступка.

Солдату подали свернутое знамя. Он

Одновременно, в этот условленный парламентарями час, перескочили стенку окопов и немцы. С высокого бруствера Семенов сразу заметил солдат, стоящих напротив, высоко над краем ложины.

Обе делегации мерно и неторопливо, ровным военным шагом пошли за проволоку навстречу—туда, на смертный участок, где ворошился на ветру остриженный пулеметами молодой березняк.

Долго пробирались в запутанном лабиринте колючей проволоки, прошли через вскопанный снарядами бугор, за ним обогнули забитый землей окопчик, где разрушенный артиллерией накатник высоко выставил из земли сломанные ребра бревен, где глина на срезе сочилась бурой сукровицей.

В последнем бою здесь погибла горсточка обманутых хабрецов, из них не вернулся никто.

— Вася!—вдруг вскрикнул один из делегатов в мятой вахлячой шинеленке.

Вася лежал, крепко прикинув лицом к земле, только на ветру трепыхался выбившийся из под фуражки соломенный вихор.

От дождей и солнца побелела шинель на выставившихся лопатках и, казалось, проросла уже шинель мертвеца тонкими нитями трав, как бы пришиты были к земле раскнутые поля белыми жалными корешками.

— Но, вы-ы!—зарычал Семенов на остановившихся перед неприятным зрелищем смерти делегатов.

Он цагал впереди, бледный, разъяренный, круто выставив вперед рогатку усов.

Идущие позади слышали его грозное бормотание:

нет больше царской власти. Старый режим покончен. Эта война была нужна царю и капиталистам... да... (Семенов покосился на лейтенанта) и офицерам... а нам она не нужна. Так не будем мы больше истощать друг друга.

Переводил Левка Беркович. Он вытягивал худую шею и, вдохновенно сверкая глазами, сдобривал скудную речь председателя словечками, заимствованными в командировке из речей минских ораторов.

— Товарищи! — продолжал Семенов. — Сколь побито, поранено? Эту ямину вон по тот край можно налить кровью, кабы всю собрать. Рекой пойдет. А за что?..

Дул в лощине острый, холодный ветер, усатые блеклые травы приникали под его тяжестью низко к земле. И зябко-непроницаемы, казалось, были лица немцев. Высок и бесстрастен стоял офицер.

И стал горячее от этого Семенов, будто скрытое раздражение поднимало его голос все выше:

— Товарищи, докуда будем лить кровь и за что и гнить в окопах? Не пора ли нам воткнуть штыки в землю? Не пора ли всем сказать: мир хижинам, а война дворцам?..

Дрожащей рукой нащупал тут Семенов на поясе свой короткий полевой штык с японской винтовки и с размаху всадил его меж ног в землю.

Было видно по лезвию: мирным целям служил этот штык, весь зарос он хлебным мякишем и желтой замазкой белорусского кислого сыра.

Махнул по этому штыку Семенов — вдоль по лощине.

— Товарищи! Клянемся никогда через эту линию больше не переступить. Ни взад, ни вперед! Смотрите все: вон наверху на бруствере — что вы видите? Красный флаг! То есть наше знамя. И кто на это знамя пойдет, тот есть враг рабочих и крестьян. Понятно?..

Опять долго и вдохновенно переводил председателя Левка Беркович, но, кажется, теперь его поняли и так: вдруг подобрели тусклые, изыбшие лица немцев и глаза их стали уважительно разглядывать плечистую фигуру Семенова.

Тут же вышел от них тяжелой перевалкой коротконогий увалень с ярким шрамом вдоль щеки. Увалень сказал, что он рабочий из Вестфалии, социал-демократ, что он пошел воевать против России из боязни, что победа русского царя бросит мрачную тень угнетения на всю Европу.

Мариша посмотрел на рдеющий рубец на щеке оратора, на красные большие ручки, засунутые одними пальцами в тесные кармашки мундира, на короткие, свихнутые в коленях ноги и подумал с уважением: пролетарий.

Грубым, как бы сердитым голосом говорил оратор. Левка переводил фразу за фразой. Солдаты слушали молча.

Лейтенант рассеянно обводил глазами высокие края лощины, вскопанные по местам гвоздившей артиллерией.

На бугре взгромоздились в кучу этаженные на сторону рогатки проволочных заграждений.

Тут же голенасто вышагивал прапорщик Вильде, расставляя треногу фотоаппарата.

Вдруг лейтенант тревожно вытянул шею и, нацелив стэк куда то вверх, пошел вперед.

Сразу осекся оратор. Все смотрели вслед лейтенанту и ничего не могли понять. Он шел, не сводя глаз с горы и выкрикивал на ходу одну короткую фразу.

Левка перевел:

— Это предусмотрено условиями!

Не сразу поняли, что стэк лейтенанта был уставлен на прапорщика Вильде,

только что вырнувшего под черную накидку фотоаппарата.

— Какого он там чорт! — нетерпеливо оглянулся Семенов на размахивавшего стэком лейтенанта.

— Воспрещается снимать за проволокой! — влолголоса напомнил Левка заключенное накануне условие.

— А ну их!..

Прапорщик Вильде, заметив внизу встревоженного лейтенанта, неторопливо подхватил треногу аппарата на плечо и, раскачивая корпусом, медленно двинулся в гору.

Лейтенант выждал, пока долговазая его фигура потерялась за гребнем бруствера, и успокоенный вернулся на место. Он плотно сомкнул прямые ноги, подбростил стэк подмышку и кивнул оратору:

— Продолжайте!

Оратор стоял с перекошенным ртом, сизый от гнева. Он начал не сразу. Только постепенно голос его стал набирать прежнюю силу.

И все показывал немец заскорюзлым пальцем туда наверх, где на высоком бруствере русских окопов яростно метался огненный плат знамени.

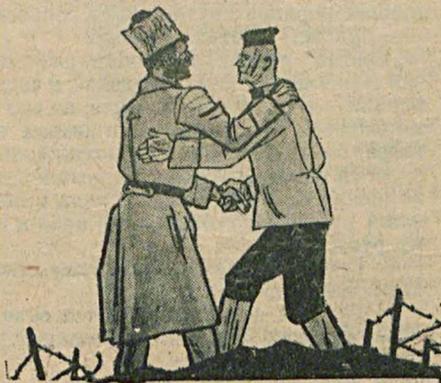
Голос немца, хриплый и лающий, гулко звучал в лощине. Ветер срывал с губ эти чужие слова и уносил далеко. И сам он, крепко расставивший кованые башмаки, весь дрожал сейчас от внутренних усилий, как огромный котел под паром.

Немец говорил о том, что с Россией — республикой! он воевать не хочет и не будет, что об этом тоже самое говорят все солдаты в германских окопах.

Всем рядом немцы откликнулись согласно:

— Рихтиг.

Левка перевел, сияя довольством:

— Камерад спрашивает их: верно, ребята? И они все отвечают: правильно!

Все поняли это еще до того, как Левка начал переводить.

И как то само собой вышло, что немец тесно сблизился с Семеновым, они вдруг раскрыли руки и, сшибаясь грудью, крепко и надолго обнялись и расцеловались.

— Русски карашо! — сказал немец, одобрительно похатывая крепкие, высокие плечи Семенова.

Семенов смущенно усмехался, придерживая его под тяжелые локти.

Постояли так, держа друг друга, и поцеловались еще раз.

Делегаты сошлись и протянули руки. Запутались в десятке скрестившихся рук и дружелюбно усмехались, заглядывая в глаза.

— Мир! — говорили русские.

И немцы охотно повторяли это известное им слово:

— Мир! Мир!

В ту же минуту неистовые крики полились из траншей в лощину и медные звуки марсельезы донес ветер из русских окопов.

Делегаты растерянно оглядывали неприступные высоты позиций. В разрывах музыки доносило вниз одну долгую ноту:

— э-э-э-э...

Вспугнутыми галочками стаями взлетали в небо и оседали вновь солдатские шапки.

На бруствер к знамени выпрыгнул опять высокий солдат. Раскачиваемый ветром, он несуразно размахивал руками и кричал что-то неслышное.

С обеих сторон лощины выбрались из земляных щелей окопники. Накапливались толпами над краями оврага.

— Э-э-э-э... — плыла тягучая нота.

Потрясенный этой минутой один из русских делегатов в измятой вахлячной шинеленке (это он по дороге сюда вскрикнул звенящим голосом: „Вася!“) отвернулся на сторону и страстно навзрыд заплакал.

Холодными, непонимающими глазами смотрел на его затрясавшиеся плечи лейтенант. А немецкие солдаты пошурились и разобрались — смешные в своих кургузых с разрезом сзади мундирчиках.

Мариша отвернулся, чувствуя в горле тугой ком готового прорваться рыдания. Он услышал всхлипы своего стесненного дыхания и с усилием откашлялся. Сквозь стеклянную, вадрагивающую муть еле различимыми тусклыми пятнами возникали перед ним лица.

Мир был подписан.

Матрос Иван Корякин лежал в преумерках на юте, водил рукою по волосатой груди, смотрел в слезливую глубь английского неба и думал о рыбацком колхозе, о котором писала Анютка в последнем письме, и сердце тукало по родной деревне Луза и дальше по всей волости.

Полежал еще немного на спине и повернулся на бок.

Неожиданно засучил кто-то сапогами, и в его ухе, словно в каменных сводах загудел гулкий голос:

— Подымайсь, пропащий!

Иван поднял глаза, истеганные прожитыми годами. Так и есть — кочегар Ваграмов. А за бортом канал тихо стоял и в ряд выстроились трубы города Манчестера, и шиблы настоянные в фабричных стоках крепкие запахи.

— Фараоны до тебя пришли и официально спрашивают, подымайсь! — сказал Ваграмов.

Недоуменно и уныло разглядывал Иван проконченную спину кочегара, медленно удалявшегося под ростры, и зарыбило в глазах от просторной нестроты судна.

Он выбил из под головы кранец, вспрянул, подтянул голенище и заковылял вперевалку.

Действительно, на советский пароход непобедимо явился агент скотланд-ярда с выводком полисменов и переводчиком.

Агент усталый сытое лицо, пропахшее ваяткой, в личные списки судовой команды и, вскинув кудреватую копну волос, обратился через переводчика к капитану:

— Ну-с, где мистер Иван Корякин?

А мистер из деревни Луза уже одолевал последнюю ступень трапа, пенучими сапогами отбивал половицы спардека и, запнувшись о порог, явился в кают-кампанию.

Полицейский агент, копируя героя лубочного детективного романа „саркастически улыбулся“, „сдунул пепел с гаван-

ской сигары“ и „загадочно прищурил левый глаз“:

— Вы — Корякин?

Иван спокойно сел в кресло, блеснул холодными лучиками глаз, ответил погодя:

— Между прочим — я!

— Значит, вы — Корякин?

— Ага.

Встревоженный детектив с дерзкой настойчивостью повторил:

— Скажите... Вы, действительно — Корякин?

— Именно.

— Корякин Иван?

— Самый он.

— Иван Александрович?

— Вроде, что так.

— Из деревни Луза?

— Из родимой.

— Рыбак?

— Форменно.

— Женат?

— Подходяще.

— Так-с. Корякин Иван из деревне Лу-у..!

— Будь ты неладен, я — Корякин Иван

Душа из тебя вон! Из деревни Луза! В бога мать — рыбаки! — взревел Иван, и белки у него засверкали.

— Успокойтесь, Иван Корякин! — тягуче протянул полицейский агент с многозначительным оттенком в голосе.

Неописуемую скуку вселяла тишина.

У агента пламенили щеки и танцевал обвислый двойной подбородок, когда его розовый ноготь придерживал хвост великобританского льва и на полицейский бланк со скрипом сочилось из пера зеленые строки. А затем он откопал в портфеле круглую печать, отхаживал ее теплым дыханием и, завершив процедуру, вручил матросу бланк и запоспчиво забубнил:

— Вам воспрещено сходить на берег, джентльмен!

Щелкнул затвор портфеля.

Гремя свитой полисменов, агент скотланд-ярда покинул судно.

Иван вернулся на ют выплескивать думы. Он раскидисто лежал на тенте, придавленный низкими распухшими тучами и, разбросав локти на просмоленных складах, долго разглядывал брылястую львиную морду государственного герба, печать, волнистые канцелярские завитушки:

— Форменно.

Час мелькнул незаметно, рухнул. Нестерпимо расслабла шибла; повернулся на бок. Облака темнели и местами открыли настежь небо. Вспыхнули первые звезды и огни за бортом.

Вдруг вынырнул бобби, затянутый в черный полицейский мундир. Страж топал по крутому трапу и, перевалив на палубу, юркал в каюты и камбуз, шаркал по длинному спардеку и сопел, забрасывая проходивших моряков неумолимыми вопросами:

— Кэптин? Кэптин? Кэптин?

„Кэптин“ в кают-кампании мирно хлебал чай мелкими глотками, медленно и спокойно, как все капитаны на суше, но его безмятежность прошла, когда в дверях появился бобби, широкий, громоздкий, точно отлитый по дверной раме. Черный истукан, не поворачивая застывшего лица с вобухшими румяными губами, приставил к племю руку:

— Гуд дэй, не сходил на сушу мистер Иван Корякин?

— Гуд дэй, не сходил! — в тон сухо отрезал капитан и сплюнул обсосанный рыхлый огрызок сахара.

— Мне необходимо его видеть...

Истукан откуворил дверную раму, и капитан вышел на палубу, огляделся по сторонам; подвернулось кок, золотистый, в выходном ярком костюме, одуряюще пахнувший сиренью.

Капитан преградил ему путь.

— Кликни Корякина. Полисмен пришел...

Налитый сыростью, обмякший, Иван все еще лежал на юте, заросший тьмою. Мысли ползали, как изорванные над ним патлы мутных туч, медленно, тяжело. Иван ощутил постороннюю руку, вжимавшуюся в бок, а в сознании оседал смысл непостижимых слов.

— Надсмехаетесь? — вспыхнул он и ожидающе посмотрел на темный силуэт.

— Говорят, то сполный! — заверещал кок и ушел, потянув за собой струю сирени.

Медленно глохнул скрип его новых штиблет; Корякин вслушивался, а потом скользнул за ним в хлипкий мрак.

В кают-кампании его ждали.

— Мистер Иван Корякин, — забухшие полисменовы губы вяло обнажили рыжие зубы, — вы есть мистер Иван Корякин, э?

— Сымалетства он! — огрызнулся матрос и люто поджал губы.

Полицейский тщателью оцупал глазами Ивана и, с достоинством расшаркиваясь, покинул судно.

Клубилась ночь, гуще заваривалась ночь и звезды запропастились за пластами прелых туч. Опали взмокшие снасти. Спая парход, заглоданный тьмою. Один лишь неусыпный вочмен — матрос Огулов — плелся по палубе скучающей походкой и изредка посматривал за рейдовыми огнями.

Рассыпались шаги полисмена по граненым булыжникам.

Огненные пятки быстро и судорожно кружились в воздухе, стлались по набережной, мосткам, палубе, мягко без звона падали золотой россыпью на вочмена и раскаляли веки и широкую кость лица. Огулов отвернул лицо от снопа электрических лучей, вилывшего, как пейный хвост.

— Вочмен, мистер Иван Корякин сплпсе? — заискивал голос из под надвинутой каски.

Полисмен положил на ладонь глянцевитую щеку, захлопнул веки, искусственно всхранил с посвистом, повторил:

— Сплпсе?

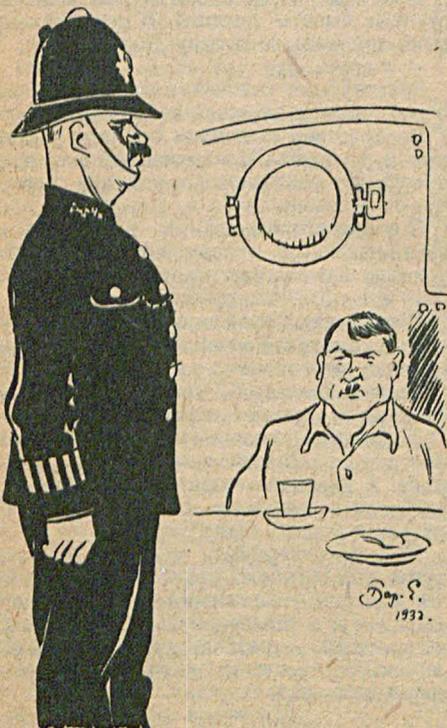
Осмотрел Огулов электрический фонарь, присосавшийся к понсу с бляхой, пошел ощушь, спотыкаясь о выперший такелаж, судовое железо и горький мрак, а следом поблескивал светом страж. Безмолвный кубрик тонул в еще большей тьме. Полисмен выдавил из хрустального глаза фонаря огненный луч... Слово сом в подливе, лежал Корякин в кремовом одеяле, уткнувшись лицом в подушку и спиной в днице верхней койки.

— Слпс! Слпс! — завопил Огулов, с жаром доказывая, что сишна принадлежит мистеру Ивану Корякину из деревни Луза и никому другому. — Ну, чего будить? Ни свет ни заря ему на работу. Понимаешь, хлюст?

Полисмен уперся и затормозил сонные лажки. Иван завозился, разметался, приоткрыл веки. Копье света попало в заспанный глаз — слеза прошибла, искры посыпались. Погодя сух стал глаз, и тоскливо взглянул матрос на грузные полисменовы чресла.

— Чего на личность огонь пушшать? — взвыл он в сонной одуре.

Быстро взглянув на лицо Корякина,

полицмен попятился к дверям и бесследно исчез за пиллерсом, в густой тьме.

На чертовой койке долго лежал Иван и лютовал: сон, словно вспугнутый стриж, безвозвратно вспорхнул, Поясница растомилась в бессонице, мысли странные скручивались, терпкий пот неугомымо лил. А поостыл—заскучал на койке, взерошился, поднялся на палубу, скатил из черепка студеную воду на вихры—кровь в жилах ззвенела! Еще пригоршей прохладной обдал себя и радостно фыркнул:

— Фес!.. Хорошал

И вдруг за приземистым ящиком с запасными частями текстильных машин в мокрой притихшей тишине поскользнулся луч света. Мигающими глазами Корякин беспомощно отбивался от знакомого и тоскливого огненного смерча; застыл в оцепенении и сматении с черепком в руке, когда припал к полицмен и картавя спросил:

— Геллоу! Мистер Иван Корякин слипс? Слипс?..

Канал безмолствовал, а внутри Ивана бушевало—вамахнул рукой и черепок в черепки.

— Мистер Иван Корякин слипс, фараоны окаянные! Слипс, прощальги! Дыхнуть человеку не даете, пагубы!

Посмотрели немо друг на друга и метнулись в разные стороны.

Нагрязнул серый утренний день, и вместе с ним полицмен с изжелта выпуклым лицом и деснами, подкованными золотыми зубами. Разомкнулись золотые подковы,—открылся рот, и капитан, соблюдая внешнее спокойствие, предупредительно отбаранил:

— Вы хотите спросить... Вам нужен мистер Иван Корякин? Он не выходил в город, он не покидал судна, он здесь, он... мы... мы его сейчас разыщем. Эй, боцман!

За бортом висел на беседке Иван и, весело посвистывая, старательно отбивал охрой ватерлинию, а ниже подкрашивал скуду суриком. Боцман, перегнув через планширь неуклюжие плечи, посмотрел вниз, начальственно коротко бросил:

— Вылазы! Опять эти стөрвецы...

Мутные, опустошенные отчаянием глаза вопросительно посмотрели вверх и смежились, когда боцмановы плечи ушли с планширя. Взялся Иван по трапу вяло, но торопясь, с натугой, точно волочил за собой тяжелый груз; остававлялся, чтобы воздух лучше вобрать; выгибая грудь, сплевывая горечь в стоячий канал, и

— Успокойтесь, Иван Корякин!—тягуче протянул полицейский агент

опять терпеливо вставлял сапоги в ступени трапа. А у штурманской рубки встретил он полицмена взглядом холодного бешенства и горячим остроловием, повториемо отечественным. Полицмен молча удалился.

Пришли грузчики, и док Сальфорда залился человеческим потом, загремел лебедками, заскрипел ящиками. Иван Корякин пыхтел, подтягивая блоки, наматывая французским ключом на чекеля непокорные гайки. Но трап вновь качнулся под тяжестью бобби и вновь предстал перед матросом боцман, хмурый и тихий.

— Положь струмент! Идем...

И вновь шел Иван на полицейские смотрины, шел протестующе вяло, поглядывая на низкое и простое небо.

Дни и ночи улетали в переполюхе, построжайшим контролем тяжеловесного аппарата тайной и явной полиции миллионного города. Ивана Корякина стаскивали с мачты, выуживали из трюма, извлекали из галубака, выводили из полуюта. Рационализация поисков его была доведена до высшего совершенства—лишь только на горизонте появлялась черная фигура полицмена, черная, как туча, вся команда в рассыпную устремлялась на поиски, и явившемуся стражу, точно по конвейеру, подавался мистер Иван Корякин.

Ушел один из неистовых дней и суматошный конвейер притих.

Перо спотыкалось о бумагу, стонало, а весь он был в движении, словно писал

грудью, плечами, ногами, сердцем, писал Иван Корякин на родину письмо:

«... к городу Манчестеру причалил, а верчусь по палубе аккурат белка в колесе штурвала. Ходят на судно одинолично и коллективно фараоны с бляхами и проверяют, не сошел ли я на сушу. Замучили меня в доску, а никак не пойму, чего им дался. А еще напиши про дела в колхозе. Прислали ли из Дальрыбтреста моторный катер? Еще не забудь сообщить за путину.»

Перо загребло в розовой склянке чернила и, со скрипом перепрыгнув через неисчислимую строку, вдруг смолкло. Иван закусил губу. Охрипшая дверь оттопырилась, и вошел уродец с древним парчевым лицом и бескровными губами. Пришелец снял каску и спросил:

— Джентльмен, где мистер Иван Корякин?

В руке полицмена вдруг задрожала каска, как будто это был котелок, святыи с раскаленной печи и обжигавший пальцы, и оттуда выпал журнал, истрепанный всем аппаратом вбудораженной полиции. С желтой запотевшей обложке смотрела слинялая изба. Весь угол у слепого окна завешен тралами с ржавого придена, мотней рваной, линиями; свежо помнит: латать собирался. А вот и гири ходиков! Внутри Ивана поднялось легкое, радостное...

На переднем плане снимка: он и Клима сидят на лавочках и пьют чай у самовара сияющего. Шумит у них бурным прибоем беседа о работе кружка осовавиахима в рыбацком колхозе. С Клима пот ручьями хлещет, а Ивана тоже распалила и беседа и чай...

Всемогущий скотланд-ярд никак не мог предположить, что мистер Иван Корякин, у которого на интимном файфоклоке присутствует военный министр даже без своего заместителя и первого секретаря, был только лишь организатором кружка Осовавиахима в рыбацком колхозе на Дальнем Востоке, в котором побывал во время своей последней поездки Клима Ворошилов.

В руке полицмена вдруг задрожала каска и оттуда выпал журнал

Перо готовит войну

Есть латинская поговорка: „во время войны музы молчат“.

О, если бы это было так. Но, к сожалению, когда вспыхнула империалистическая война, большинство крупнейших писателей Германии, Франции, Англии и России — тех, которые были в мирное время убежденнейшими противниками войны (конечно, пацифистского толка), было охвачено невероятным шовинистическим пылом. Они писали патристичнейшие стихи, призывая громы небесные и земные на врага, посягнувшего на их „родную цивилизацию“.

Даже благороднейший борец за дело мира Анатоль Франс с грустью вспоминал потом о дне, когда он, подавшись шовинистическому опылению, уже седым стариком явился в вербовочное бюро и просил отправить его на фронт добровольцем.

Эмиль Верхарн, Гергард Гаутман, Рихард Демель — все те, которые в довоенное время считали себя прославленными пацифистами, брали оружием и натравливали друг на друга людские массы.

Какими бы этическими или правовыми прикрытиями ни пользовались империалисты для того, чтобы затеять войну, их войны преследуют лишь единую цель чисто материального порядка, и всякая империалистическая война является по сути борьбой капиталистов различных стран за торговые и промышленные рынки. Но империалисты отлично понимают, что без каких-либо идеологических прикрытий, без выставления благородных и гуманных лозунгов, нельзя втравить в борьбу те массы, которые используются ими как пушечное мясо.

Поэтому финансовый и промышленный капитал, для которого войны являются могучим средством наживы и увеличения сверхприбылей, призывают к себе на службу буржуазных писателей, которым дается поручение — представить в художественной литературе идеи империализма в наиболее привлекательном и благородном виде.

Сначала нашего столетия, являющегося по преимуществу эпохой господства финансового капитала, начинает складываться империалистическая идеология, и основные тезисы этой идеологии становятся мировоззрением определенных классов капиталистического общества и отражаются в художественной литературе.

Поэты и писатели, защитники империализма, проводят в своих произведениях ту идею, что финансовая и промышленная буржуазия призвана строить мировой рынок и развивать производительные силы. Отсюда является пафос империалистической литературы, отсюда является новый литературный персонаж — фигура героического воина, завоевателя колоний во имя великодержавности той или иной нации. Этот воин — завоеватель, конечно, изображается в виде носителя

высшей цивилизации. Империалисту в высшей степени свойственна идея превосходства белой расы над остальными, и многочисленные колониальные романы империалистической литературы Запада прославляют „культуртрегерскую миссию“ белой расы и оправдывают насилие колониальных авантюров империализма во имя великих целей „цивилизаторства“.

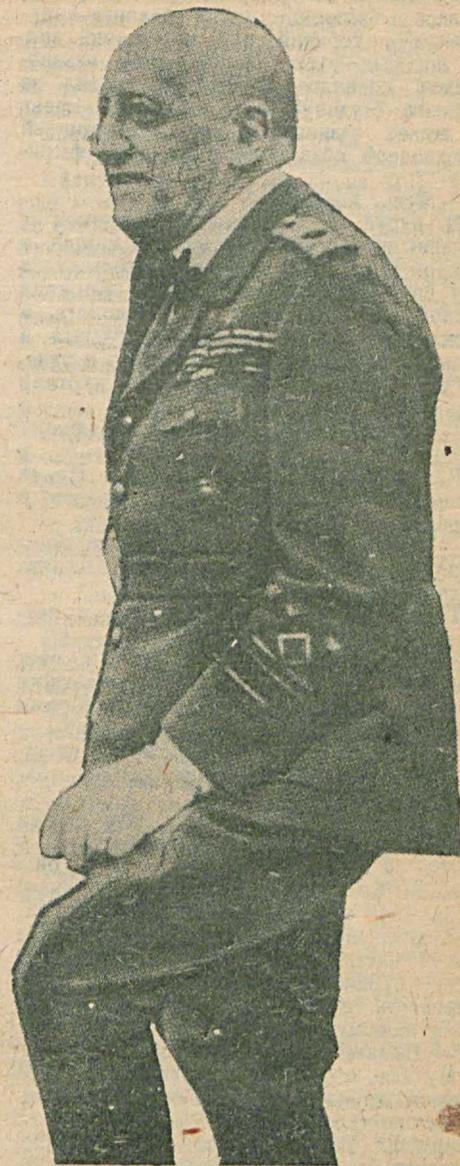
Подготовка мировой войны 1914 года, буржуазия Запада не только выковывала оружие в арсеналах Европы, но и старалась морально вооружить будущих борцов своей страны, главным образом те миллионы трудящихся, которые и составили кадры армий.

В этом моральном вооружении огромную роль сыграли те писатели, мастера художественного слова, которые пошли на службу империализму, оправдывая его злодеяния, забывал, что, по выражению Маркса, „деньги рождаются на свет кровавым пятном на одном виске, что поворожденный капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят“.

Так, в Англии, прежде других капиталистических стран вступившей на путь империализма, пятьдесят лет тому назад захватившей Египет, рано родилась идея великодержавной Британии, которая должна воссоздать империю Александра Македонского со столицей в Багдаде или Дели (нынешняя столица Индии). Такова концепция романа лорда Биконсфильда (Дизраэли) „Новый крестовый поход“. Дизраэли не только писал романы, но, как руководитель английской политики, практически стремился осуществить великодержавные идеи Дизраэли. Империалистическая поэзия Англии, рожденная Дизраэли, насаждавшая в массах идеи великодержавности и необходимости новых войн, имела и имеет множество последователей. Патристическая и шовинистическая лирика и беллетристика наводняют английскую литературу с начала XX века. Особенно широк разлив волны империалистической литературы накануне мировой войны. Крупнейший английский писатель Редьярд Киплинг откровенно идет по пути английской великодержавности. Он прославляет колониальные войны, а колониальный британский солдат для него носитель высокой культуры, насаждаемой среди грубых и диких туземцев. Киплинг прославляет войну в целом ряде солдатских песен и баллад.

Великодержавные идеи Англии, стремление к безусловному охвату мировых рынков, рано сталкиваются с противодействием со стороны Франции, Италии и Америки, вступающих также на путь империализма.

Во Франции за несколько лет до мировой войны необычайно активизируется деятельность тех слоев молодежи, милитаристической, настроенной монархически и католически, которая прославляет плач мирового владычества Франции и воссоздания Наполеоновской империи. Главнейшими представителями этого течения французской империалистической литературы надо считать Психарю, чья трилогия „Путешествие центуриона“ рассказывает о подвигах офицера — слуги отечества, представителя избранной военной касты Франции, любящей „войну для войны“. Поль Адан создает ряд исторических романов батального характера, в которых изображает военные тенденции французской буржуазии XIX века. В его романе „Сила“ изображена буржуазная семья, наживающаяся

Габриэль Д'Аннунцио (один из последних снимков)

на военных поставках и подготовляющая почву для своих потомков, организаторов трестов, крупнейших промышленных предприятий, базы новейшего империализма. И во Франции, как в Англии, писатели империалисты не только отравляют самосознание масс чадом шовинизма, но и стараются убедить их в том, что патристизм — самое высокое, самое „священное“ чувство, что сладко погибнуть за величие родины или за „просвещение“ туземцев в далеких колониях.

Вслед за Англией, Францией, на путь империализма вступает Италия, молодое поколение которой также мечтает о великодержавной родине. Итальянская буржуазия, завершив к концу прошлого столетия национально-освободительную борьбу, стремилась к колониальным завоеваниям в Африке, к вытеснению Австрии с Адриатического моря. Выразителем этих стремлений явился молодой итальянский футуризм, возглавляемый Маринетти. За пять лет до мировой войны он возвещал в своих манифестах, что „война — это лучшая гигиена мира“, что „братство народов — это гангрена, свидетельствующая о надвигающейся немощи народов“. Подобно Маринетти, другой футурист Пауло Бунци, меч-

Вождь итальянских футуристов Ф. Т. Маринетти

тая о великой Италии, говорит в своих поэмах, что он хочет быть „воителем на несущемся взмыленном коне будущего“; его разгоряченное воображение уже рисует будущие бои между итальянскими и германскими броненосцами, и он предвидит победу латинской расы. Для итальянского футуризма, связанного по тематике и идеологии с капиталистической и империалистической буржуазией, война — это величайшее очистительное средство освобождения от приверженности к „прошлому, личному и мелочному“.

Под знаком империалистической идеологии находится творчество крупного итальянского писателя Габриэля д'Анунцио. В воспаленном мозгу выходящего на литературный путь писателя пылает мысль о новом возрождении Италии, которая должна занять первенствующее место в Европе. В своих первых стихах он воспевае будущее великодержавной Италии, лежащее на Адриатическом море. В драме „Корабль“ перебрасывается мост между прошлым и будущим Италии, и идея морской мощи и национального величия Италии проходит красной нитью через все творчество д'Анунцио.

В дни империалистической войны д'Анунцио был активнейшим агитатором за борьбу „до победного конца“, он произносил на фронтах и в тылу патриотические речи и возглавлял отряды, завоевывавшие Фиуме (на Адриатике).

Германия, проявившая в начале нашего столетия ярко империалистические тенденции, вступившая в борьбу с Францией из за Марокко, так же лихорадочно готовилась к мировой войне, как и ее соперники. В связи с этим в первое десятилетие XX века в Германии появился целый ряд военно-империалистических романов, в литературе воз-

никает образ героя — смелого воина, пришедшего на смену германским поэтам, философам и мечтателям. В романе Людвиг „Империя“ показан „союз рыцарей силы“ — пушечных королей, жаждущих войны за мировое господство... Людвиг рисует неизбежность империалистической войны в процессе становления Германии империалистическим государством: но он предвидит возможность революции и в следующем романе „Победители“ показывает в духе либеральной буржуазии как в Германии после окончания войны (причем победителями оказываются немцы) вспыхивает революция. По верной догадке Фриче, здесь Людвиг как бы предостерегал германский империализм от военной авантюры. Но он не мог предвидеть до конца и не подозревал, что революция в Германии вспыхнет после проигранной войны.

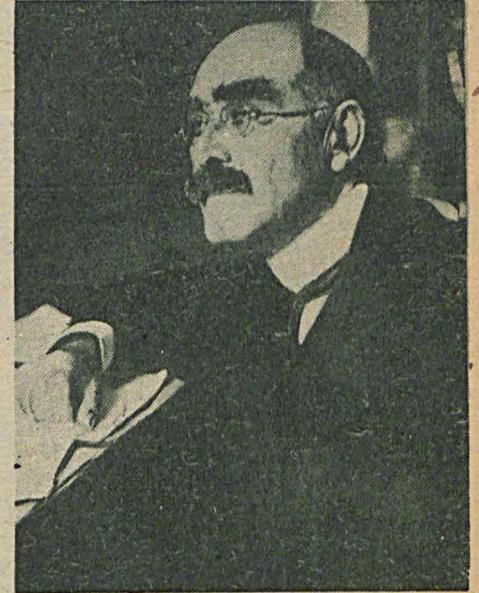
Буквально за несколько месяцев до начала мировой войны писатели империалисты выбросили на немецкий книжный рынок кучу фантастических романов, предвосхищавших грядущую войну и в шовинистическом и патриотическом духе рисовавших победу Германии в борьбе с Англией, Францией и Россией. Таковы произведения Нимана „Мировая война“, Венира „Взгляд в будущее“, Блейстрей „Мировой пожар“ и др.

Так годами до империалистической войны писатели и поэты, призванные крупной буржуазией для обслуживания ее интересов, агитировали за войну во имя высоких идей. И в наши дни бешеной подготовки интервенции против Советского Союза империалисты точно также пускают в ход буржуазную литературу. В романах, псевдорепортажах, драмах и стихах пропагандируется мысль о крестовом походе против „варварского большевизма“.

Но уроки прошлой империалистической

войны не прошли даром для миллионов пролетариев. На этот раз их не так уж легко одурачить.

И в противовес империалистической литературе и милитаристским и шовинистическим тенденциям против ка-

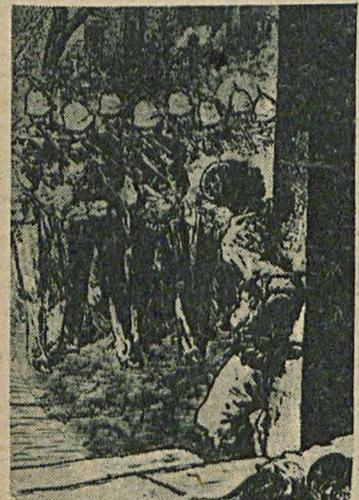
Редард Киплинг

питалистической войны поднимаются голоса таких благородных мыслителей и писателей, как Ромэн Роллан, Бернард Шоу, Анри Барбюс и сотни других, считающих, что всякая попытка оружием сокрушить пролетарское государство ляжет неуязвимым позором на разлагающийся капитализм.

Н. Ермаков.

ЗАПАД БЕЗ МАСОК

Юбилейная дата английского империализма. Оказывается, ничто не ново под луной. Ровно пятьдесят лет назад, летом 1882 года английские империалисты завоевали Египет примерно теми же методами, какими ныне японский империализм захватил часть Китая. Проникновение английского империализма в Египет происхо-

дило постепенно, и тогда как часть туземной буржуазии вступила в тесный деловой контакт с англичанами, постепенно оккупировавшими страну, как залог „безопасности“ для своих прибылей, — другая часть еги-

петской буржуазии привлекла в национально-революционное движение. Капиталистические государства послали свои суда в непокорную страну. Огромный портовый город Александрия подверглась бомбардировке с моря, туземные кварталы были разрушены и после долгих переговоров правящие классы обеих стран — побежденные и победившие, заключили мир. Захват Египта англичанами положил основу колониальному могуществу Британской империи. Англия получила в свои руки Суэцкий канал, открывавший ей морской путь в Индию, страну, дававшую дешевое сырье и представлявшую выгодный рынок для сбыта продукции текстильной и машиностроительной промышленности. Бенжамен Дизраэли, крупнейший английский государственный деятель XIX века, скучив акции Суэцкого канала и таким образом англичане сделали экономическими, а также политическими властителями Египта. Они потребовали передачи в их руки управления финансами и права распоряжаться армией. Египет был тогда официально под властью турецкого наместника-хедива. Началось восстание. Араби-бей, молодой офицер, возглавлявший это восстание, выдвинул скромное требование, чтобы Англия придерживалась заключенных ею с Египтом договоров. Турецкий хедив действовал так, как ныне в Китае Чан-Кай-ши: он помогала международной буржуазии продавать интересы страны англичанам. Незначительный повод был достаточен для того, чтобы начать разбойничий поход на Египет. К тому времени Дизраэли сменил другой знаменитый деятель капиталистической Англии, Гладстон, право-

верный либерал, который во имя овещенных прибылей двинул военный флот на Александрию. Страна была завоевана, хедив был за оказанные английскому империализму услуги пощажён и выслан на остров Цейлон, где жил в прекрасных условиях. Египет стал английским, морской путь в Индию был обеспечен. Жертвами оказались беднейшие земледельцы — феллахи и городские пролетарии, слепо доверявшие национальной буржуазии, предавшей их.

Таковы были первые шаги империализма, задыхающегося ныне в тисках кризиса и внутренних противоречий.

На снимке: английские солдаты в Александрии расстреливают египетского повстанца. Действие происходит в 1882 году.

Смерть „короля Ивето“. Веранже, знаменитый французский поэт-песенник, 75-тилетнюю годовщину со дня смерти которого мы только что отметили, написал знаменитую сатиру на Наполеона I, противопоставив ему — неумному завоевателю — легендарного короля-простака Ивето, который жил без печали, услаждался вином и не причинял бед своим верноподданым. Совершенно в таких же тонах, только же насмешливо-сатирических, а серьезных, капиталистическая печать говорит о смерти бывшего португальского короля Мануэля Эго был, расценивает буржуазные журналисты, любитель искусств, литературы и спорта, яростный теннисист, без всякого сожаления оставивший трон, никогда не причинявший никаких неприятностей своим подданным. Откуда

же взялся такой „король Ивето“? Оказывается, что он, собственно говоря, и королем то не был. 1-го февраля 1908 года после революции в Лиссабоне, 18-тилетний Мануэль стал королем, и прежде чем он успел, как го-

ворится, оглянуться и надевать какие-либо пакости, — в октябре 1910 года он уже был свергнут с престола и вместе с матерью, королевой Амелией, бежал на яхте на Португалию. После этого он вел жизнь светского бездельника, живя то в Голландии, то в Англии, то в Париже и Каннах. Он умер 43 лет и был самым молодым из европейских королей, находившихся в изгнании.

БОЛЬШЕ ТОВАРОВ ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

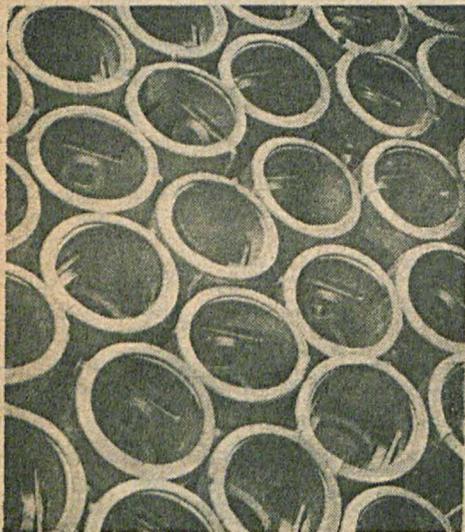
Завод утилизации № 1—2 (Москва). Обрубка отлитых ложек

Фот. В. Шаховского

Перечень предметов «мартребпа», изготовляемых заводом «Электросила» в Ленинграде

Фот. Агяч

Поршни для тракторов изготавливает завод утилизации № 1—2 (Москва)

Фот. В. Шаховского

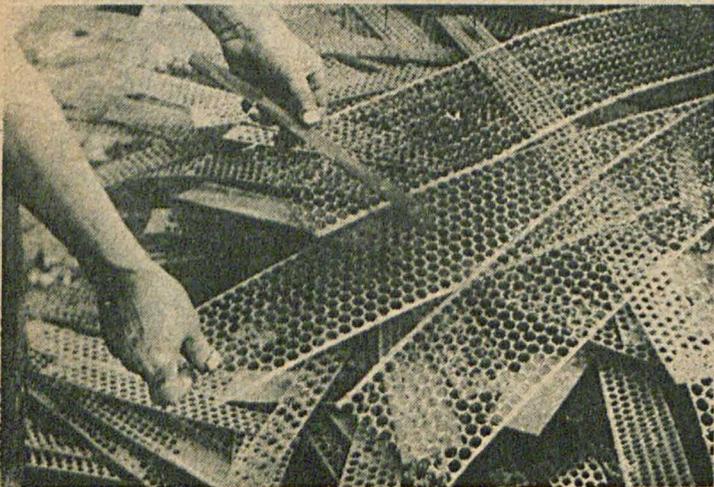
Проверка качества продукции для колхозного багара на заводе утилизации № 1—2

Фот. В. Шаховского

Ударница 2-го деревообделочного завода в Москве, тов. Ремизова, за обивкой стульев

Фот. В. Шаховского

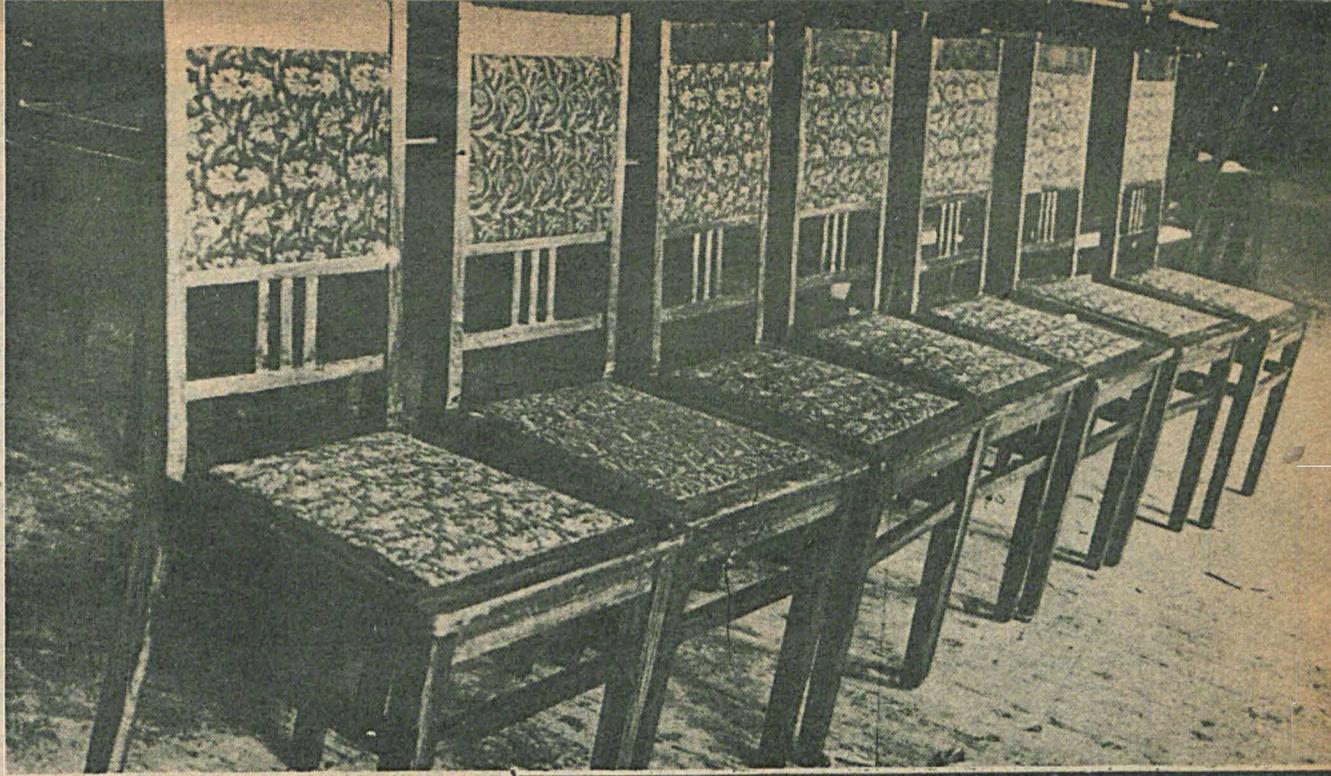
Из отходов производства московский завод «Металлолампа» делает клетки для заводского крольчатника. На снимке: отходы после штамповки—будущие решетки для крольчатника

Фот. Оверкина (Союзфото)

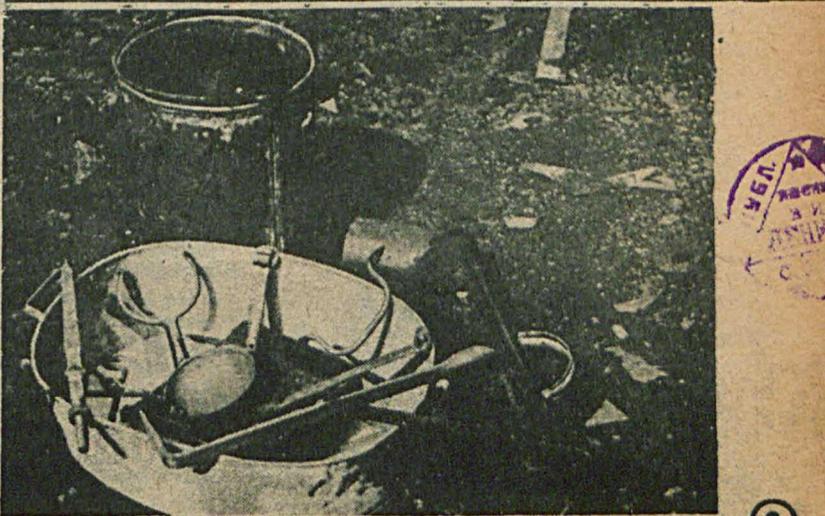
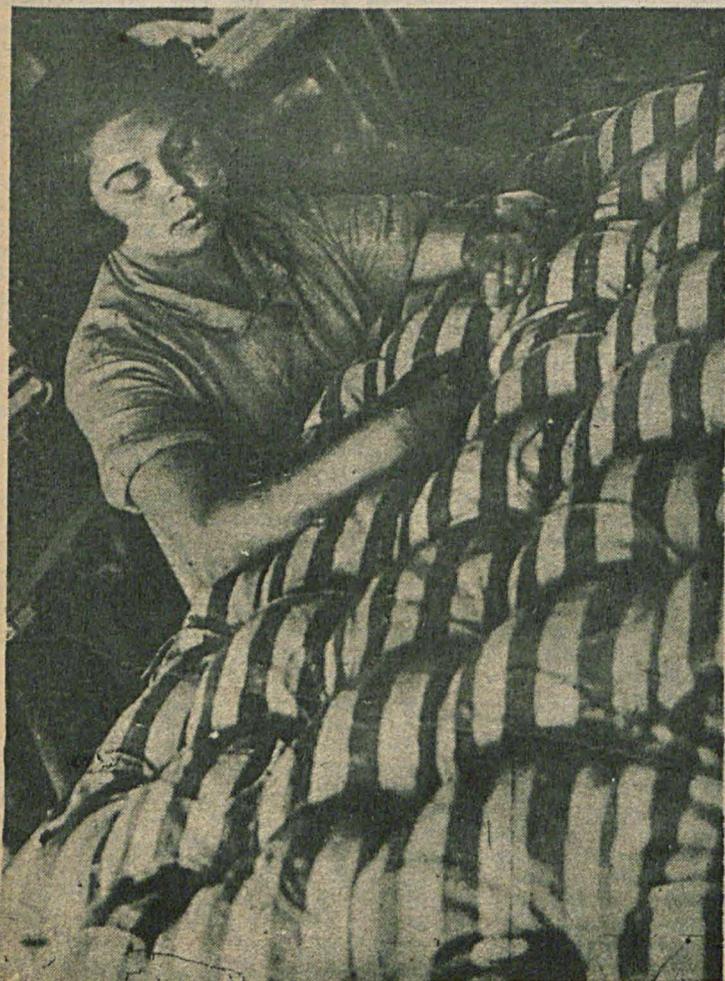
Школа ФЗУ ленинградской фабрики «Красное знамя» изготавливает предметы широкого потребления из утиля вакройного отделения ф-ки

Фот. Штейнгардта

Искусство рационального использования отходов производства начинают осваивать все новые и новые заводы и фабрики. Важнейшее условие успешного развертывания колхозной торговли — встречная торговля промтоварами. Еще энергичнее развернем выпуск товаров ширпотреба. Для этого есть возможности на каждом заводе, каждой фабрике, в каждой производственной артели.

На снимках: наверху — стулья — продукция 3-го московского деревообделочного з-да (фот. В. Шаховского); ниже — образцы кукол, сделанные на утиля ленинградским заводом Промтехники „Красный Треугольник“ (фот. Ребенкова); внизу слева — ударница 2-го деревообделочного з-да тов. Суворова за увязкой тфяжков (фот. В. Шаховского); справа — образцы предметов ширпотреба, выпускаемые заводом им. Ленина в Ленинграде (фот. Казьмина)

УСПЕХ
 РАБОТЫ
 ЗА
 ПЕРИОД
 С
 1947

Ра́ми — золото́ Колхиды

Очерк Л. Грифа

Золотое руно

В Колхиду плыли за золотым руном аргонавты, мореплаватели на 50-тивесельном корабле Арго.

Что было основой знаменитого вымысла? Сначала думали, что золотое руно—это баранья шкура, а на нее искали намывали крупицы золота у золотоносных, будто бы, рек Кавказа. Но верней, что золотым руном назвали еще неведомый Европе шелк.

„Растительный шелк“—рами—во времена аргонавтов, больше трех тысяч лет назад, еще до появления хлопка в Небесной империи, было главным прядильным растением Китая. Под видом шелка китайские купцы продавали в Европу ткани из рами, похожие на шелк.

Сегодня рами—золотое руно социалистической Колхиды.

Здесь область влажных субтропиков Советского союза. На осушаемых малярийных болотах Колхиды уже прорастает советское рами.

Рами не надо принимать за суррогат шелка. Рами—лучшее в мире растительное волокно, первое по длине, крепости и прядильности. Из рами выделывают много ценных материй и технические ткани. На Зондских островах из рами плетут рыболовные сети, потому что волокно рами очень прочно и не портится, долго пробыв в воде. В Европе из рами готовят ткани для самолетов и дирижаблей.

В прошлом году на лондонском рынке обработанный луб рами — „чайна-грасс“ („китайская трава“) ценился вдвое выше хлопка. Во Франции проф. Мишотт издал книгу, где доказывает даже, что хлопку пришел конец, а рами займет его место.

Кроме Китая, рами растет по всей тропической Азии—на островах Индийского океана, в Японии; в Африке—в Египте, в Алжире; в Америке—в Гватемале, Колумбии, Мексике и на Ямайке. Но в Европе—на Пиринеях, в Италии и во Франции, рами мало распространено, хотя его достоинства признаны наукой и мировым рынком, а в качестве декоративного растения рами появилось в ботанических садах Голландии еще в XVIII веке.

Неудача рами в Европе объясняется неумением механизировать первичную обработку стеблей, дешево отделять луб от древесины. („В экзотических“ странах производство рами держится на колониальном труде).

По этой же причине рами не распространилось в досоветском Закавказье, где французская компания заключила в 1889 г. договор с принцессой Мюрат и акклиматизировала алжирское рами в Мингрелии на площади в 300 га, чтобы фабриковать бумагу для ассигнаций. Имени удельного ведомства Чакава тоже без успеха пыталось наладить производство рами под Батумом. В Чакове испробовали для первичной обработки рами даже привозной китайский труд. Но „китайская техника“ не далась на казенных плантациях.

Долой циновок!

Советская техника, разрешив задачу механизации первичной обработки новых лубяных культур, преодолела и специфические трудности производства волокна рами. Пословица „луб ветром откачивает, дождем отмачивает, теплом отпаривает“ отменена Новлубтрестом.

Инженеры Европы и Америки пытались сконструировать машину для обработки рами. Но правильный принцип этой обработки, разделение ее на предварительную—механическую и последующую—химическую обработку, был установлен только у нас. Машина для отделения луба рами от древесины—рабийный дикортикатор—должна еще и будет совершенствоваться, но в основе вопрос решен.

Революционизировав сначала первичную обработку сырья, мы начали затем по новому, вопреки всему прежнему опыту, разводить рами. Старые кусты рами с землей заброшенной французской концессии крестьяне разнесли после революции по окрестным деревням. Эти кусты удалось найти. Но семян рами у нас не было. И их нужно было добыть за границей.

В 1927 г. из Китая были выписаны первые 50 грамм семян рами. Но вместо рами Китай прислал семена джуга. Через год нам во второй раз прислали опять не те семена. И только в прошлом году удалось доставить в СССР 75 кг. семян рами.

Когда же нужно было выбрать способ закладки питомников рами, мировой опыт устами специалистов требовал постройки застекленных парников. Но стеклянная крыша над сотнями га должна была стоить непомерно дорого.—Плантацию рами—предупреждал один шестидесятилетний специалист—надо огородить от ветра высоким забором.

Другой опытный специалист говорил:—рами боится солнца; над каждой плантацией нужен навес из циновок, а к нему четыре выгона шлагата.

Эти советы были практически неосуществимы. И тогда—сказал на всеоюзном совещании по новым лубяным культурам т. Краснощеков—мы пошли на производственный риск. Вопреки всему прежнему опыту, питомники рами были заложены на открытых грядках и... удались.

С будущего года плантации рами в Закавказье уже достигнут хозяйственного значения. Необычайная суровая зима, погубивши часть рассады рами, не изменяет этого основного итога. Первые тысячи центнеров волокна рами пойдут на наши текстильные фабрики, а затем и за границу. Из Франции уже получают письма о готовности купить волокно советского рами.

Огнедышащий бык

Золотое руно Колхиды,—повествует предание об аргонавтах,—было обещано тому, кто запряжет в плуг дышащих пламенем железных быков.

Огнедышащий железный бык—трактор—ведет плуг по полям Колхидлуба. Линия электропередачи Абгэс—Поти прорезает территорию рабийных совхозов. А осенью Колхидлуб сможет получить энергию от вступающих в строй турбин Рионгэс не только для первичной переработки, но и для с.-х. процессов производства рами. Декортикационные пункты здесь уже открыты и строится котонизационный завод.

Но механизация посадки и сбора рами остается важнейшей и пока еще не разрешенной задачей. Нужно продолжать и совершенствовать работу по механизации посева и посадки рами. И пора уже конструировать рабийный комбайн для сбора стеблей и отделения луба от древесины прямо на плантации.

Центральный комитет партии 5 декабря 1929 г. постановил—заложить к 1933 г.

не менее 20 тыс. га плантаций рами. Закавказье—основной район рами в СССР. К концу второй пятилетки площадь посевов рами в Закавказье должна быть увеличена до 100 тыс. га.

Но перспектива развития рами в совхозах зависит от темпов освоения новых площадей на осушаемых болотах Колхидской низменности. Между тем разрешение проблемы мелиорации Колхиды до сих пор идет слишком медленно.

Озеро Палеостом и его окрестности

Поезд останавливается там, где каменный мол. Поти—порт. Море, голубое, как глобус, открывается врезанным между носами пароходов. Рион, впадая слева, подмешивает свои желтые воды в море как в стеклянное блюдце с акварельной синькой.

Озеро Палеостом идет на соединение с морем. Столица Колхиды—Поти—стоит среди воды. Город валом защищен от наводнений.

Маяк, полвека назад построенный на море, теперь стоит на суше. Он демонстрирует происхождение колхидских болот. Реки, текущие с Главного Кавказского хребта, впадая в море, приносят в лагуну ил. Прибой, намывая ил к берегу, наращивают к нему приморские болота.

Колхидская низменность занимает больше 200 тыс. га. Ее осушение означает эффективное вложение сотен миллионов рублей. Но генерального плана осушения Колхиды до сих пор нет, а ведущиеся мелиоративные работы отстают от плана. Выполнение задания—к осени 1933 г. освоить в Колхиде 20 тыс. га—еще не обеспечено. Мелиоративные работы не механизированы; особый интерес в связи с этим приобретает вопрос о кольматации.

Опытный кольматационный участок в 3 тыс. га у озера Палеостом с трех сторон окружен водой, а с четвертой—валом в 14 километров. Речные воды, несущие ил, пропускаются сквозь шлюзы через кольматационный участок, наливают его и, осветленные, уходят в море через озеро Палеостом. Ил осаждается на участке и выпадает его уровень.

...Снежные горы вокруг и субтропическое тепло в низине. Блестящая плоскость озера Палеостом. Равнина топей, делимых геометрией валов и каналов. Голландия—кино наливом совмещенная со своими индонезскими островами...

Кольматация давно применялась в Феррарской низменности, у устья По и в дельтах других итальянских рек. Но нигде в мире она не осуществлялась такими темпами и масштабами, как в Колхиде. Противники кольматации основываются на европейском опыте, утверждая, что и на озере Палеостом она займет долгие годы. Но за кольматацию—Колхидская опытно-мелиорационная субтропическая станция и итальянская экспертиза Омдео.

Технические споры пора кончать. Кольматацией там, где она возможна, и механизацией всех мелиоративных работ задача осушения Колхиды будет выполнена.

Великое электро-ирригационное строительство оросит Прикаспий—сухие субтропики Закавказья. Мелиорация Колхиды осушит влажные субтропики Черноморья.

Вторая пятилетка создаст субтропическую базу народного хозяйства СССР.

ИЗ ЖИЗНИ ЛИТАКТИВА „ОГОНЬКА“

Актив собирается аккуратно по десятым числам. Приятно отметить, что естественным ходом вещей пишущие бывают все реже и в конце концов вовсе исчезают. Актив пополняется пишущими ударниками московских фабрик и заводов. Посещает литдекадники и незначительное количество литфактовской молодежи.

Атмосфера, как и во все время существования актива (около 11½ лет), творческая. Мало пишущие чувствуют себя неловко — впрочем, за исключением тех, кто посещает актив, готовясь к творчеству, а таких в активе немало. Они приходят затем, чтобы поделиться своими замыслами, чтобы послушать обсуждение читаемых вещей. Обычно это обсуждение конкретных вещей много дает слушателям и, как это уже отмечалось у нас, члены актива развиваются весьма быстро.

Необходимо отметить весьма положительное явление: поразительную выдержку, какую проявляют члены актива в отношении печатания своих вещей. Если раньше „нажим“ с их стороны на редакцию „Огонька“ (и других изданий) был велик, т. е. требование печатать было настоячиво, то теперь члены актива относятся к сдаче в печать своих вещей чрезвычайно сознательно: не торопятся, проверяют еще раз и еще раз, перерабатывают свои вещи, исправляют и т. д. Редко у кого новая вещь не имеет вариантов.

Подбавилось несколько прозаиков. Раньше их совсем было мало. Начал писать прозу И. Зарубин. Первая его вещь — рассказ сатирического типа, небольшой, очень сжато написанный, обобщенный, освобожденный от лишнего загромождающих мелочей, т. е. доказывающий наличие у автора самокритического начала — был прочитан на последнем декаднике и вызвал очень оживленное обсуждение. Подавляющим большинством рассказ был одобрен.

Стихи имеют тенденцию непомерно удлиняться и обязательно превращаться в поэму. Начинать не с „поэмы“ обычно считают ниже своего достоинства. Если поэмы нет, то написанное выдается обычно за вступление к поэме или за отрывок из поэмы. Однако, главная причина этого не поэтическое „стижательство“, не желание быть обязательно автором „крупной вещи“, а желание уместить, проработать, разрешить или, по крайней мере, поставить значительную проблему. Это — заражение крупными проблемами нашего времени, это — от эпохи. Но, конечно, не лишне напомнить иному автору поэмы „в три тысячи строк“ об учете собственных сил и степени подготовки.

Однако, чувство ответственности перед грандиозной тематикой великого времени у многих очень развито. Крайняя подчас молодость не мешает сознавать серьезность задач советской литературы и наличие крупнейшей проблем в самом, казалось бы, скромном участии нашего строительства. Один из самых молодых прозаиков

актива (17-летняя Молдаванова) так прямо и заявляет:

— Боюсь писать. Не знаю, о чем. Дайте тему. А то у меня чепуха получается.

У нее несомненные способности. Она пишет не по летам серьезно и сочно. Но мешает „боязнь“ — как бы не получилось не то, что ей хотелось бы, что она видит и чувствует.

Явно поднялся авторитет коллективных оценок. Раньше бывало (и довольно часто), что автор осужденной вещи протестовал, не соглашался, „нападал“ на высказывающихся, даже „обижался“. Теперь к оценкам актива даже самые самолюбивые авторы относятся внимательно, весьма вдумчиво, и очень многое всерьез принимают к сведению. Нужно также сказать, что и самые оценки актива стали значительно квалифицированнее, культурнее, доказательнее.

Продукция актива неуклонно растет, причем растет и качественно. За полтора года существования актива вышло несколько сборников стихов и прозы. Произведения членов актива „Огонька“ печатаются не только в „Огоньке“ и Библиотеке „Огонек“, но и в ряде других изданий. В частности, вторая книга стихов Яр. Смелякова вскоре выйдет в ГИХЛ'е.

Однако, в активе есть и неблагополучия. Чрезвычайно вяло идет работа по переводам стихотворений наименьшинских поэтов. Эту работу надо усилить. Необходимо к октябрю перевести цикл стихотворений о Ленине и завоеваниях Октября лучших поэтов-нацменов.

Литударники начали работу по изучению героев пятилетки, собиранию материалов, по включению в ударные бригады и т. д. Необходимо усилить эту работу. Было бы бесполезно устроить специальный отчетный вечер.

Было положено начало связи актива литударников „Огонька“ с литударниками Магнитостроя, Свердловска и другими. Только что представитель редакции „Огонька“, бывший на Магнитострое, обещал магнитостроевским литударникам от имени актива переписку, обмен продукцией и т. д. Доклад обо всем этом по возвращении был сделан им на литдекаднике — однако, ничего пока не реализовано. Необходимо выделенным для этого товарищам немедленно начать работу по связи с ударниками Магнитостроя и Свердловска.

Свердловцы часть своей продукции уже прислали. Она будет обсуждена на одном из ближайших декадников.

В план работ актива входит ознакомление членов актива с домашними условиями друг друга; насколько эти условия способствуют творчеству. Эта работа тоже пока проходит чрезвычайно вяло. Есть члены актива, живущие в невероятно

На собрании литературного актива

тяжелых квартирных условиях; есть физически недомогающие, есть даже больные. Между тем, актив не принимает никаких мер к организации помощи. Нужно обязательно в ближайшее же время наладить работу по фактической взаимопомощи членов актива. Редакция „Огонька“ и литературные организации конечно окажут активу всемерную поддержку.

В последнее время участились организованные посещения собраний актива литударниками завода „Каучук“ и 2-го часового завода.

Состоялась также встреча с литударниками завода „Электропровод“.

В ближайшее время ряд специальных собраний актива будет посвящен разбору творчества квалифицированных поэтов и прозаиков. Намечено чтение и обсуждение новой пьесы Марка Колосова „Молодая гвардия“, посвященной комсомолу. Специальный декадник также будет посвящен чтению и обсуждению новой поэмы Джека Алтауэна.

М. Скачнов КАРЬЕРА И КОНЕЦ ОБУВНОГО КОРОЛЯ

Батя в Чехо-Словакии — это не только фабрикант и энергичный предприниматель. Это прежде всего „реформатор“ капиталистической системы, это „последнее слово современной цивилизации“, это козырь в руках всех защитников капитализма и социал-фашистских теоретиков. „Батя лучше знает психологию потребителей, чем Маркс!“ — воскликнул один из них в пылу спора. А огромный аппарат самого Бати, купленная им капиталистическая и социал-фашистская печать изо дня в день работала над тем, чтобы создать ореол вокруг имени этого дельца, как спасителя капитализма, как человека „показывающего новый путь Европе“.

Много времени прошло с того момента, когда накануне мировой войны Батя, запарывая лошадей, догнал мчавшийся поезд в Вену. На одной захудалой станции ему удалось вскочить в вагон, и с тех пор поезд капитализма понес одного из кустарей сапожников по пути славы. Этот путь начинался в интендантстве австрийской армии. Батя первый узнал о мобилизации и первый стал поставщиком „его величества“. Нечего и говорить, что в это время он был великим патриотом.

С тех пор его маленькая мастерская стала работать „на оборону“ и быстро расти. На дворе ее появился вооруженный отряд под командой ротмистра Бубелы, а затем вскоре была построена тюрьма.

Эта тюрьма сделалась составной частью как фабрики, так и всей „системы Бати“. Десятками и сотнями бросали туда рабочих если дни опаздывали на работу, если заболели без предупреждения, если делали брак, не говоря уже о прямом нарушении приказов Бати. За такие вещи по прямому указанию Бати с рабочими расправлялась вооруженная стража.

Прошли военные времена. Вместе с разгромом Австрии с фабрик Бати исчезает и ротмистр Бубела. Наступает „заря освобождения чешского народа“. И Батя сразу меняет систему.

Зажав в кармане военную прибыль, он превращается в „национального героя“. Он объявляет себя „сапожником“, „сотрудником“, равным среди равных своих сотрудников. Он сам организует демонстрацию своих рабочих и идет с ними по улицам маленького провинциального городка, восклицая: „Да здравствует свобода!“

С этого момента начинается настоящая карьера Бати. Он лихорадочно приспособливается к новой обстановке. Ему предстоит борьба с сотней неплохих конкурентов.

Обувное дело в этот период в Европе было отсталым. Еще не было сложных машин. Эти машины Батя привозит из Америки. Но машины — это еще не все. Главное — рабочая сила, люди. А в Чехо-Словакии рабочие непритязательны.

„Тем не менее, устроить тюрьму для рабочих, в мирный период, да еще в „свободном“ государстве, нельзя. Тогда Батя придумывает свою потогонную систему“.

Ее сущность заключается в так называемом „хозрасчете“. Все моменты производства строгаише рассчитаны и проверены. Сырьевые базы Бати закупает и производит сырье. Это сырье они продают его же обделочным (кожевенным) заводам. Обделочные заводы Бати обрабатывают сырье и продают его отдельным мастерским. Мастерские Бати производят обувь и продают магазинам Бати.

Рабочие, мастера, продавцы, шоферы, детчики — это не рабочие и не служащие Бати, а такие же предприниматели, как и сам Батя. Это его „сотрудники“. Путь

к богатству, к славе открыт для всех. Рабочий, вот тебе станок и кожа, работай и строчи! Завмаг, вот тебе магазин и товар, продавай! Летчик, вот тебе машина, зарабатывай и летай!

И все у Бати зарабатывали: инженеры, завмаги, мастера. Только не рабочие. Рабочие работали сдельно без всякого учета времени. Каждая мастерская имеет свой план, каждый рабочий должен в день выполнить определенную программу и не меньше. Если он выполнит меньше, он платит штраф. Если во время работы за конвейером ему попадет бракованный ботинок, но он этого не заметит, он платит за весь ботинок.

Выходит так, что и рабочие покупают от мастера и продают ему продукт своего труда. Поэтому мастер старается зарабатывать на рабочих и жмет их, как может.

Сам же Батя — необычайный друг рабочих. Случалось, что мастера дурно обрабатывались с рабочими. Батя немедленно при-

и заставить его мыслить так, как это нужно было Бате.

Под ударами догонщиков рабочие Бати вынуждены были работать по 10—12 часов, чтобы выполнить задание.

Новейшие машины, конвейер, „хозрасчет“ — делали свое дело.

В 1894 г. рабочий Бати вырабатывал в день одну пару ботинок.

В 1925 г. — пять с половиной пар, а в последнем году от 8 до 9 пар в день.

После с другим стали исчезать конкуренты Бати. Их фабрики и мастерские переходили в его руки. Вскоре он стал хозяином на внутреннем рынке и перекинулся за границу. Он экспортировал обувь почти во все страны мира. Он построил новые фабрики в Германии, Англии, Америке.

В 1920 г. его фабрики выбрасывали в день 4,5 тысячи обуви, в 1931 г. — две-три тысяч пар в день. В то время, когда кризис душил Германию, Англию, Америку, подбирался к Франции, Батя процветал.

Больше того, в этот период, казалось, Батя входил в орбиту своей славы. Еще в начале 1932 г. он заявляет:

„Мы в Злине, не боимся кризиса. Мы его приветствуем. Ибо он уничтожает все нездоровое, гнилое. Мы — это „новый мир“, а все, что рухнет под ударами кризиса это — „старый мир“.

Так говорил Батя в тот момент, когда Крейгер пустил себе в лоб пулю, в тот момент, когда кризис стоял у ворот его фабрик. Этот кризис пришел к Бате своеобразно.

Одна за другой ряд стран стали закрывать свои рынки для батевской обуви. Внутренний же рынок был насыщен до отказа.

Между тем на складах стала скопляться обувь. И Батя стал метаться в поисках рынка. С большой помпой, с большой рекламой он отлетел в Индию, где сделал необычайное открытие. Оказывается, большая часть индусов ходит босиком. Дашь обувь для Индии! Но в конце концов оказалось, что в Индии есть свои Бати, которые не очень то склонны допустить на рынок чужого пришельца.

И рабочие летели с фабрик тысячами. Приостановились все постройки в Злине. Управляющие Бати, чувствуя крах, воспользовавшись отсутствием Бати, стали изымать свои вклады (несколько миллионов крон).

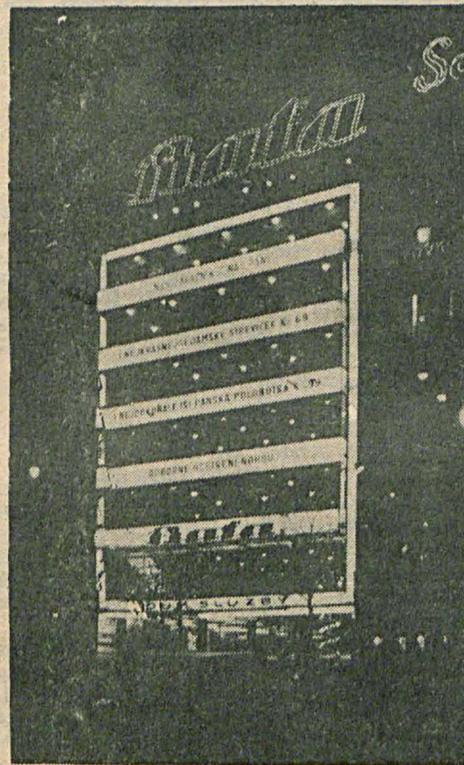
Тем временем запасы обуви стали расти на складах. Батя лихорадочно снижал цены. Дело дошло до того, что сносный ботинок можно было купить за 6 корон, т. е. за 40 копеек. Сам Батя стал организовывать караваны грузовиков, которые развозили по деревням и чуть ли не даром предлагали крестьянам обувь. Но крестьяне обобраны. Они ходят босиком и не могут купить себе даже дешевой обуви.

Наконец на складах Бати скопилось обуви свыше чем на миллиард корон. Все выходы, в том числе и тот, который показывал Бати капиталистическому миру, оказались закрытыми, и Батя предпочел последовать за Крейгером, о котором он недавно писал:

„Через его руки прошли миллиарды. Ни копейки он не присвоил, а все вложил в развитие своего дела, отдал на благо человечества“.

На такое же „благо“ вложил свои миллиарды и Батя.

Батя не пустил себе пули в лоб. Он предпочел разбиться вместе с одним из своих летчиков. Смерть Бати — это прежде всего удар по социал-фашистам. Они лишились одного из главных своих козырей в борьбе с коммунистическим движением.

„Дом обуви“ — небоскреб „обувного Наполеона“ — Т. Бати в Праге, здесь помещается контора предприятия и обувные магазины

казывает вызвать пинового мастера. Тот приходит. Батя бьет его по лицу. Кричит, топает ногами. А когда рабочие уходят, он вынимает из кармана 200 корон и уплачивает за пощечину. Не так то дорого, 12-13 рублей.

Рабочие пишут, что единственно, чему они научились у Бати — это обману и воровству, ибо им приходится, чтобы самим не быть обманутыми при приеме и сдаче товара, обманывать других.

Потогонная система Бати охватывает всю цепь производства и обслуживания рабочего. С самого поступления на фабрику Батя старается дать рабочему все: комнату, одежду, обувь, еду. Для этого у него есть целая система магазинов и складов. А за это он тоже берет от рабочего все: его силу, его мысль, его будущее.

Батя имеет свои собственные профсоюзы (Вспомогательный фонд), свое городское управление, свою печать. Все это предназначено для того, чтобы запутать рабочего

Кровавые столкновения в германских городах. За последнее время германские города стали ареной кровавых столкновений между гитлеровскими молдодами и революционными рабочими. Только за одно воскресенье 10-го июля число убитых составило 17 человек, 10 ранено смертельно, тяжело ранено 180. Гитлеровцы совершают свои нападения и налеты на профсоюзные и революционные организации при поддержке социал-демократической полиции. Так, в Гамбурге, в Рурской области, гитлеровцы под охраной полиции устроили шествие через рабочие кварталы, но наткнулись на многочисленные баррикады, и население обстреляло их из оков. Полиция ответила на стрельбу и убила одного рабочего. Кровавые перестрелки произошли в Ахене, Трире, Мангейме, Дармштадте и окрестностях Берлина. Социал-демократическая печать не сообщает, что сделано в смысле организации возмездной социал-демократии массовой обороны, но помещает сведения о том, что президиум социал-демократической партии собирается посетить министра внутренних дел Гейля с просьбой "принять меры".

На снимке: полицейские тащат раненую работницу.

суждалось предложение Гувера, в Америке проводились большие военные маневры — сухопутные и морские. На этих маневрах были испытаны

новые крупнейшие артиллерийские орудия и последние достижения американской военной техники. На снимках: внизу — прибытие одного из крупнейших орудий Северо-Американской армии на маневры; вверху — игра прожекторов во время маневров американского флота в тихоокеанских водах, у так называемых "золотых ворот" в Калифорнии. Благодаря исключительной силе прожекторов, этот световой парад был четко виден в Сан-Франциско.

Новый полномочный министр Латвии в Москве. 5-го июля вновь назначенный чрезвычайный посланник и полномочный министр Латвии в Москве г. А. Вилманс вручал верительные грамоты председателю ЦИК СССР тов. М. И. Калинину.

На снимке: г. А. Вилманис.

Движение ветеранов войны в Америке. Двадцать две тысячи ветеранов войны, собравшихся

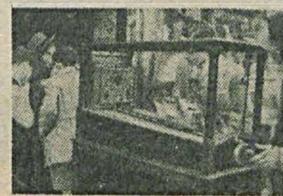

в Вашингтоне, требуют от американского правительства уплаты обещанного им добавочного жалования за время,

проведенное на фронте в империалистическую войну. Ветераны организованно по рядком захватили ряд пустующих правительственных зданий Вашингтона. Сконцентрировавшей свои силы полиции пришлось отступить.

На снимке: комический эскиз из борьбы вашингтонской полиции с ветеранами. Отступив под натиском полиции, ветераны оставили тележку с куклой, принятой полицейскими за одного из "бунтовщиков". В результате под смех толпы полицейским пришлось убрать с поля битвы арестованную ими куклу.

Парижане развлекаются На парижских бульварах выставлены новые автоматы — игрушки для парижских мелких буржуа, "патриотов" и шовинистов. Стоит бросить в автомат монету в 25 сантимов — и малень-

кий танк проведет выстрел в игрушечную крепость — ну, конечно же, германскую. Таким образом истинно-французские патриоты, мечтающие о новой империалистической войне, могут за двадцать пять сантимов хоть немного отвести душу.

Предвыборная нахляпка в Социалистических Штатах Компартия САСШ созвала национальный съезд в Чикаго, с целью наметить кандидатуру для прези-

дентских выборов. На съезде намечены кандидатуры Вильяма Фостера и Джамса Форда.

На снимке: делегаты съезда. Перед каждой группой находится плакат с указанием штата, из которого прибыли данные делегаты.

Голодающая деревня. Положение трудящихся крестьян Германии ухудшается со дня на день. Правительственные мероприятия по поднятию цен на с.-х. продукцию не приводят к осязательным результатам, потому что чем выше цены на хлебпродукты, тем дороже хлеб и тем меньше могут рабочие и мелкие слу-

жашие, а особенно безработные, покупать такие продукты крестьянского хозяйства, как масло, яйца, овощи и т. п. Это в свою очередь вызывает застой на рынке, и кризис сельского хозяйства в Германии достиг таких размеров, что десятки тысяч крестьянских семейств обречены на нужду и голод. Заселенный крестьянами остров Цанст при-

Штральаунде представляет собой картину сплошной нужды и отчаяния. Обнищавших поселенцев выбрасывают за пеньком платы на их хижины, население в особенно дети болеет от недоедания. Надежды скота приняла колоссальные размеры, ввиду того, что местных кормов нет в купить их не на что.

На снимке: голодающая семья дожда не может подняться собственными силами и ее поднимают на канате.

Труппа негритяских авторов в СССР. В Москву, по приглашению Межрабпомфильм прибыла группа из двадцати двух северо-американских негров для участия в съемке новой картины "Черные и белые". В противовес "негритянским фильмам", создаваемым либеральной буржуазией в духе сострадания к "черным со-

братьям", фильму будет трактовать "негритяскую проблему" как частность общего социального вопроса капиталистического общества, где "борьба рас" является лишь внешним выражением классовой борьбы. Постановка фильма поручена германскому актеру Юнгасу. Вместе с группой актеров в Москву прибыл также революционный негритянский поэт Лэнгстон Юв.

Исполнилось 30 лет общественно-научной и творческой деятельности крупного советского музыковеда проф. Евгения Максимовича Браудо.

Труды проф Браудо в различных областях науки оставили ему европейскую известность. Проф. Е. М. Браудо сочетает в своем лице историка музыки, автора ценных работ в области химии, переводчика научно-художественной литературы Запада. Е. М. Браудо принадлежит также редактору переводов "Известий Лесинга и Гете".

В своей основной музыкальной деятельности проф. Браудо проявил себя авторитетным критиком, педагогом-общественником, организатором ряда музыкальных институтов и активным пропагандистом-популяризатором классического наследия. После Октябрья проф. Браудо полностью связал свою деятельность с интересами революции. ЦК Рабис возбудил ходатайство перед Совнаркомом РСФСР о присвоении т. Браудо звания заслуженного деятеля искусств.

Фашизация Японии. В Японии образовалась новая фашистская партия, присвоившая се-

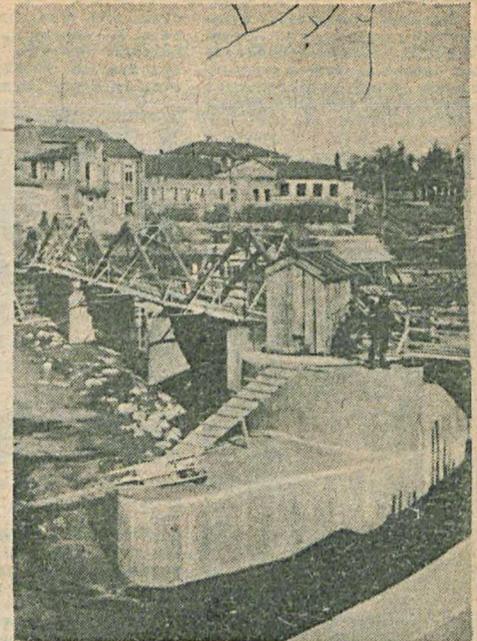
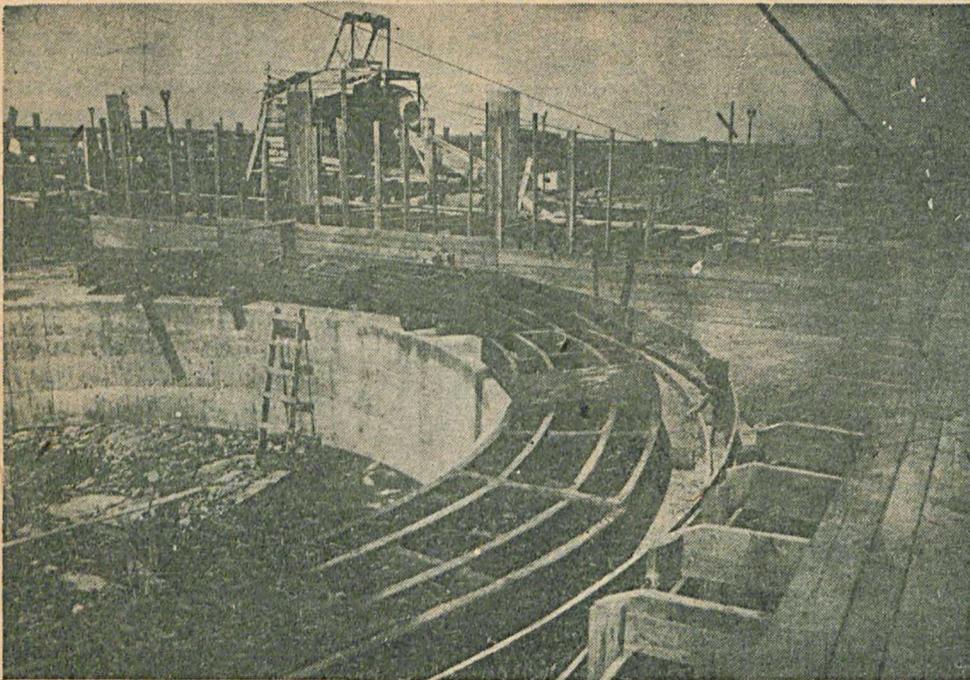
бе названная партия национал-социалистов.

На снимке: организационное собрание национал-социалистической партии.

А. Гидаш, А. Фадеев, Матэ Зална, К. Федин, Мих. Голодный, А. Ефремин, Мих. Кольцов, Ст. Щипачев, Эмиль Мадарас, П. Павленко, Эми Сяо, Б. Левин, Джон Дос Пассос, Андор Габор, Эрих Вейнерт, Мих. Лучанский, Вс. Иванов, Слепцов, Л. Леонов

вышли в библиотеке „Огонек“

ФОТО - ХРОНИКА

Каждый год разливы Терека приносят большие убытки; в настоящее время идет бетонирование его берегов

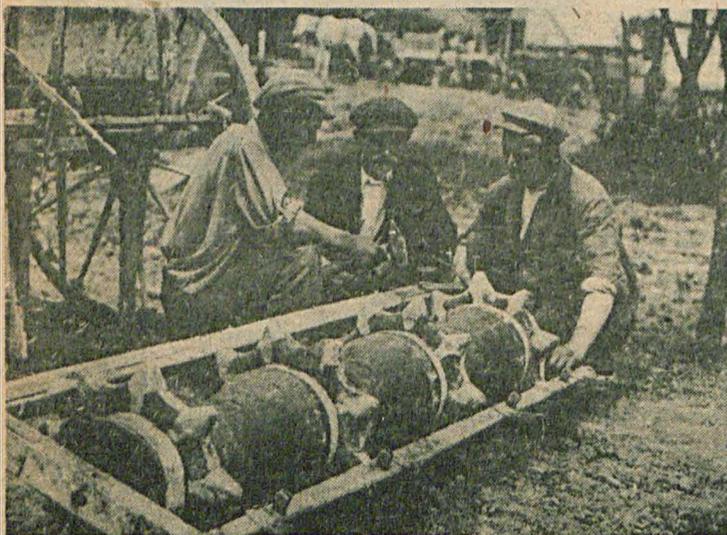
Заканчивается монтаж опорного кольца на строительстве Криворожского металлургического завода

Рабочее гуляние в дни отдыха в Петергофе
Фот. С. Иванова

В часы отдыха комсомольцы фактории Белая Губа (Карелия) играют в шашки и шахматы

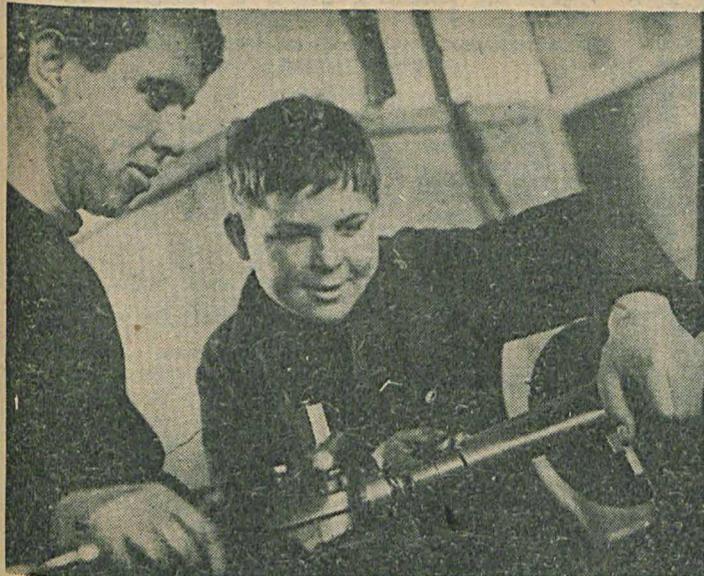
Сборка маркировочной машины, изобретений членом коммуны им. Сталина в станице Абдзвжской Майкопского р-на, тов. Валеевым

Согласно директиве ЦК партии о развитии местного рыболовства Рыбколхоз села Вогана (ЦЧО) увеличил план лова рыбы из местных вод-емов

Рабочий класс растит свою производственно-техническую интеллигенцию

Укрепнет товарообмен между городом и деревней

Ученик школы ФЗУ при заводе «Изолятор» (Москва) за работой
Фот. Н. Лисицына

В дарках ленинградских кожезаготовительных организаций колхозники могут получить необходимые предметы широкого потребления взамен сдаваемого сырья
Фот. Мельник (Союзфото)

Редактор **МИХ. КОЛЬЦОВ.**

Адрес редакции: Москва, Страстной бульвар 11.

Издатель—Журнально-газетное объединение

**ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ
и на днях будет разослан
№ 5 журнала**

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

Ответственный редактор **М. ГОРЬКИЙ**

Ежемесячный журнал „Наши достижения“ в живой литературной форме показывает и пропагандирует успехи социалистического строительства.

„НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ“ рассчитан на передовые слои рабочего класса, колхозников, техническую интеллигенцию, учительство, партийный, комсомольский и профессиональный актив.

Привлекая к сотрудничеству лучших писателей и очеркистов страны, журнал опирается и на широкие круги своих читателей, являющихся неиссякаемым источником авторских сил.

СОДЕРЖАНИЕ:

Н. ВЕЛИКОВ. — Завод точности (Москва, Шарикоподшипник). **Н. ПАНОВ.** — Озеро Севан (Армения). **Евг. ШТЕЙНБЕРГ.** — Удивительный порт (Батум). **П. МАКСИМОВ.** — Расцвет (С. Кавказ). **С. МИАСОВ.** — Фрезеровщина (Москва, Электрозавод). **МАР и ГРИНЕВ** — География социализма (О конференции Госплана по размещению производительных сил). **КЕГЕЛЕС.** — Первенцы (Днепрострой, Аллюминиевый комбинат, Запорожсталь). **А. ПОПОВСКИЙ.** — Оазис в плавнях (Днепрострой, „Конские Плавни“). **СТРОКИН.** — Воскрешенные пласты (Урал, Кизелкопи, шахта Володарская). **КОРОЛЕВ.** — В механизированной лаве (Кизелкопи, шахта им. Ленина). **БРАЙНИН.** — В лесном краю (Ив. обл. Птицесовхоз „Пахарь“). **Б. КОЖАРИНОВ.** — На мерзлоте (Якутия, Олекшинский р-н, колхоз им. Каландаршвили). **ФЕОКТИСТОВ.** — Воздушная селка (С. Кавказ, Плавстрой, Черкесский лиман).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

12 мес.—5 руб., 6 мес.—
2 руб. 50 коп., 3 мес.—
1 руб. 25 коп.

Отдельный номер—50 и.

Подписку сдавайте исключительно местной почте не позже установленного ею срока.

**ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПРИЕМ ПОДПИСКИ
на 1932 год**

№ 7 журнала выходит в издании журнально-газетного объединения

Уп. Главлита В-33525. Изд. № 1517. Выпускала и корректировала Н. Бородина. Колич. наб. зн. в кажд. бум. л. 165.000. Сдано в набор 16/VII. Подписано к печати 23/VII. Зак. 999. Offset-печать тип. Журнально-газетного объединения („Огонек“), Москва, Сретенка, Последн. пер., 26. Тир. 209.900. Стат. формат А₁ 210×297. Колич. бум. листов—1,25.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на журнал „Огонек“: год — 4 руб. 20 коп., 6 мес.—2 руб. 10 коп., 3 мес.—1 р. 05 коп., 1 мес.—35 коп. Подписка принимается только почтой.

Госфиниздат СССР

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА БЮЛЛЕТЕНЬ

ХОЗРАСЧЕТ

(6. издание ТАСС-а)

БЮЛЛЕТЕНЬ ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В НЕДЕЛЮ

В „ХОЗРАСЧЕТЕ“, помимо официальных материалов по вопросам хозяйства, кредитования, будет широко освещаться опыт работы хозяйственных бригад, практика проведения хозрасчета на основных участках производительности, кредитование колхозной торговли, финансовое стимулирование товарооборота и т. д.

Подписка принимается на сроки с 1 июля 1932 года.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год—6 руб., на 7 мес. (с 1/VI до конца 1932 г.)—4 руб., 6 мес.—3 руб. 50 коп., на 3 мес.—2 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Госфиниздате СССР—Москва, Иванов, 9; в отделениях Госфиниздата—Ленинград, ул. 3-го мая, 21, и Харьков, Горьковский пер., 7; в представительствах Госфиниздата при росп., краев. и обл. финорганах и во всех почтовых отделениях.

СМОТРИТЕ и СЛУШАЙТЕ

**большой художественный
звуковой фильм**

Производства 1932 г.

ПЯТНАДЦАТЫЙ

Режиссер
Я. ПОСЕЛЬСКИЙ

Звукооформление
Д. БЛОК

ГОРТ

Госуд. Обедни. Розничной
Торговли

Посылочный директорат

Москва, Москварецкая, 26.

**ЧТО ВЫ
ХОТЕЛИ БЫ
ПОЛУЧИТЬ.**

**МЫ
ВЫСЫЛАЕМ
ПОЧТОВЫМИ
ПОСЫЛКАМИ**

ВО ВСЕ КОНЦЫ СОЮЗА.—в отдельные республики, на новостройки, в села. **МЫ ВЫСЫЛАЕМ:** организациям, заводам, фабрикам, школам, вузам, воинским частям, МТС, совхозам, колхозам, избам-читальням, самостоятельным кружкам, клубам, красным уголкам и отдельным заказчикам. **МЫ ВЫСЫЛАЕМ:** диапозитивы на пленке и стекле—для кино-передвижек и „волшебных фонарей“, аппараты и экраны для демонстрирования диапозитивов, наглядные пособия для школ и кружков, музыкальные инструменты: гармонии, гитары, балалайки, мандолины, духовые оркестры, радио-аппаратуру, фото-принадлежности, предметы санитарии и гигиены: колхозные, школьные аптечки, бритвы, принадлежности для бритья и т. д. наши каталоги **БЕСПЛАТНО**. Заказы выполняются быстро и аккуратно. Заказы и запросы направляйте по адресу — Москва, Москварецкая, 26—посылочный директорат ГОРТА (д. ж.)

ТРЕБУЙТЕ Что еще хотели бы вы получать почтовыми посылками?

ЦЕНЫ НА ПАРФЮМЕРИЮ И КОСМЕТИКУ СНИЖЕНЫ

ЦЕНЫ НА ПАРФЮМЕРИЮ И КОСМЕТИКУ СНИЖЕНЫ

НОВЫЙ ВЫПУСК

ЛУЧШИЙ

КРЕМ

СИМЕИЗ

ТЭЖЭ

ЦЕНЫ НА ПАРФЮМЕРИЮ И КОСМЕТИКУ СНИЖЕНЫ

ЦЕНЫ НА ПАРФЮМЕРИЮ И КОСМЕТИКУ СНИЖЕНЫ

СПЕРМОКРИН

НАРКОМЗДРАВ РСФСР
Центральный институт
ЭНДОКРИНОЛОГИИ

Рекомендуется врачами

ПРИ:

неврастении (последствия раннего изнашивания), старческой слабости, артериосклерозе, при истощении после тяжелых болезней.

ЖИДКИЙ (30-40 мл/день 2-3 раза в день)
В АМПУЛАХ (под кожу 1 ампула ежедневно) В ТАБЛ. (по одной таб. 3-5 раз в день).

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ АПТЕКАХ

АДРЕС ИНСТИТУТА. Москва 4, Лавров пер.б.

НАРКОМЗДРАВ РСФСР Центральный
Госуд. Институт Эндокринологии в Москве

СТАНДАРТИЗОВАННЫЙ и КЛИНИЧЕСКИ ИСПЫТАННЫЙ ПРЕПАРАТ

ФОЛИКУЛИН

ПОД
НАЗВАНИЕМ

НОВО-ОВАРИКРИН

ЖЕНСКИЙ ПОЛОВОЙ ГОРМОН

с успехом назначается врачами при недостаточности яичников, задержке и неправильных месячных, половом недоразвитии, в переходном возрасте (климактерий) и ожирении.

В ампулах для подкожного применения (по 1 ампула ежедневно, повторные 2-3 нед. курс лечения)

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСЕХ АПТЕКАХ
АДРЕС ИНСТИТУТА: Москва, 4, Лавров переулок, 6.

27540

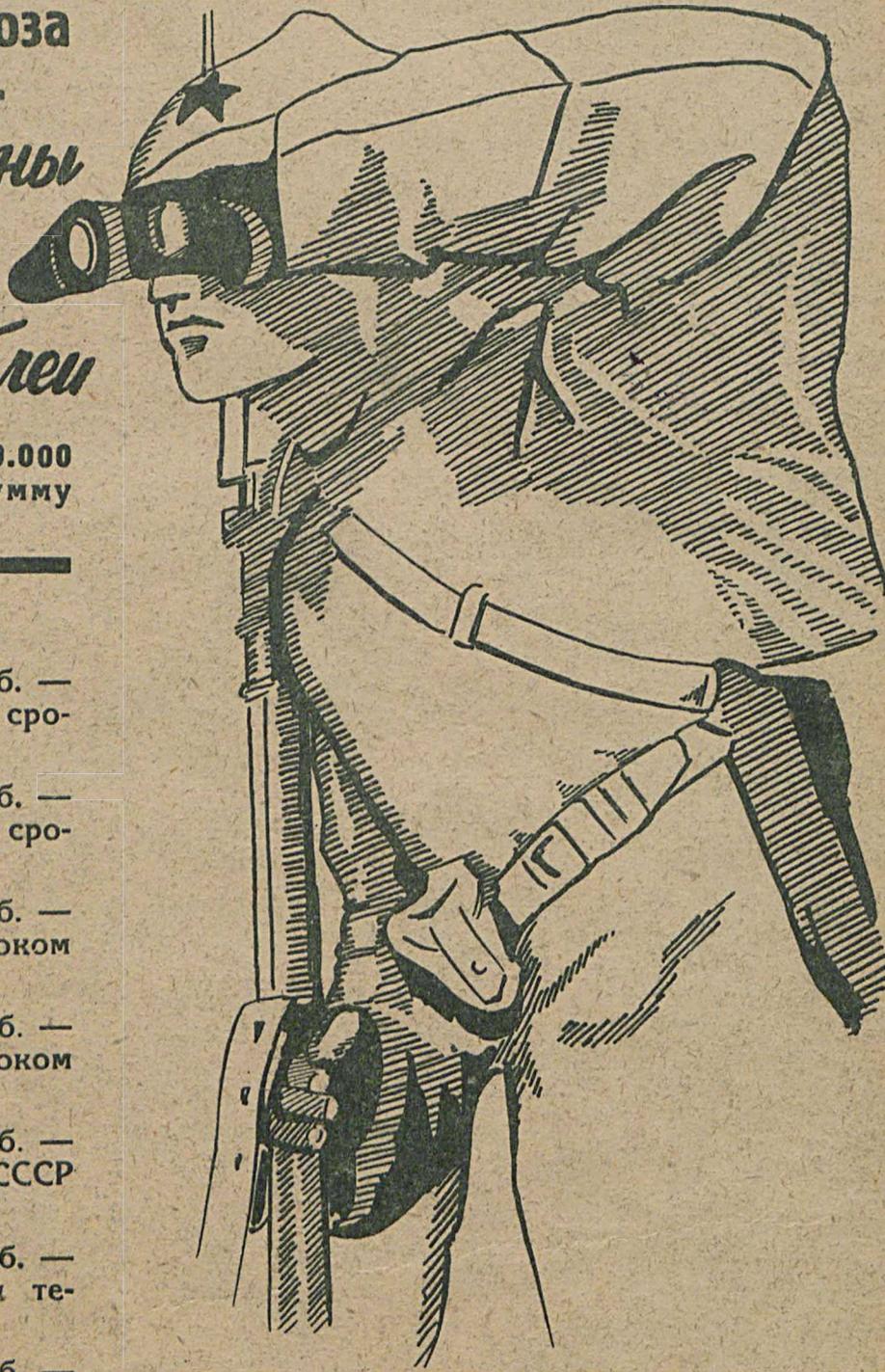
С Августа м-ца ОСОАВИАХИМ приступает к реализации 2.000.000 билетов достоинством по 3 рубля специального выпуска имени 3-го Пленума ЦС Союза Осоавиахим СССР.

В фонд обороны страны будет вложено 6.000.000 рублей

Разыгрывается 20.000 выигрышей на сумму 960.000 рублей.

Главные выигрыши:

- 5 выигрышей по 10.000 руб. — Кругосветное путешествие сроком на 4 месяца.
- 15 выигрышей по 5.000 руб. — Кругосветное путешествие сроком на 2 месяца.
- 35 выигрышей по 3.000 руб. — Путешествие по Европе сроком 1½ месяца.
- 45 выигрышей по 1.000 руб. — Путешествие по Европе сроком 1 месяц.
- 100 выигрышей по 500 руб. — Полеты на самолете по СССР в течение 15 дней.
- 300 выигрышей по 200 руб. — Велосипед, кожаное или теплое пальто по выбору.
- 1000 выигрышей по 100 руб. — Часы, кожаные тужурки, швейные машины, костюмы и т. д.

*помни,
что приобретая билеты осоавиахима
— ты укрепляешь оборону СССР.*